

DOI: 10.46698/VNC.2024.66.90.001

Ю. А. Дзицойты*¹Юго-Осетинский государственный
университет им. А. А. Тибилова,**²Центр скифо-аланских исследований им. В. И. Абаева,
Владикавказский Научный Центр РАН,
Цхинвал, Южная Осетия*

ЕЩЕ РАЗ О СТОЛИЦЕ АЛАНИИ

Настоящая статья является продолжением работы автора о местонахождении столицы Алании, опубликованной под названием «В поисках столицы Алании». Для определения местонахождения столицы Алании ученые обычно обращаются к сведениям арабских и китайских источников, а также к археологическим данным о средневековых аланских городищах. В первой части своей работы автор этих строк предпринял попытку дополнить эти сведения данными осетинского языка и фольклора. В настоящей публикации вопрос о столице Алании решается с помощью грузинских источников, практически полностью выпавших из поля зрения исследователей. В результате этих поисков автор приходит к выводу о том, что наиболее приемлемой является гипотеза, согласно которой столица Алании находилась на территории современной Северной Осетии в местности *Æрджныраæг* (Дзылат).

К л ю ч е в ы е с л о в а: столица, Алания, фольклор, археология, письменные источники.

Предисловие. Предлагаемая вниманию читателя статья является продолжением работы автора [Дзицойты 2022], посвященной местонахождению столицы Алании. Если в первой работе мы опирались преимущественно на данные осетинского языка и фольклора, то в настоящей публикации главенствующую роль играют нарративные источники. Кроме того, нами использован фольклорный и языковой материал, не учтенный в первой статье.

Недавно ушел из жизни Александр Юрьевич Скаков — один из лучших кавказоведов нашего времени, с которым автора этих строк связывали многолетние дружеские отношения. Настоящую статью мы посвящаем памяти нашего покойного друга и коллеги.

І. Данные письменных источников

1. Восточные источники.

1.1. Недавно вопрос о локализации столицы Алании был рассмотрен в обстоятельной статье Дж. Лэтем-Спринкла [LATNAM-SPRINKLE 2022], в которой в едином комплексе проанализированы данные письменных и археологических источников. Вывод, к которому приходит автор, не представляется нам убедительным, однако сведения о Магасе, сохранившиеся в восточных письменных источниках, позволяют отвести некоторые гипотезы, считавшиеся ранее непоколебимыми.

Прежде всего, западным историком выделены шесть городищ, которые исследователи-археологи рекомендовали на роль столицы Алании [Ibid.: 4–5]. Затем приведены сообщения средневековых авторов о Магасе у аль-Масуди, Худуд-аль-Алем, Джувейни, Рашид ал-Дина и Юаньши [Ibid.: 5–8], перекрестное сопоставление которых позволило установить следующие характерные черты столицы Алании:

а) Магас был населен, как минимум, с начала X века, по крайней мере, до 1239/40 гг.

б) В X в. Магас был либо столицей аланских царей, либо городом, находящимся под их управлением, но оставался важным центром Алании даже после ее децентрализации в XII веке.

в) Он был окружен мощными фортификационными сооружениями, и находился в хорошо защищенной местности благодаря окружавшим его дремучим лесам.

г) В результате кровопролитных боев он был захвачен монголами в 1239/40 гг., что привело к разрушению города и частичному истреблению или порабощению его населения.

Этим критериям не отвечает практически ни одно из перечисленных городищ (Алхан-Кала, Али-Юрт, Манхуакяпс, Кяфар, Нижний Архыз, Верхний Джулат и др.), прежде всего, из-за хронологических несоответствий. В них, к тому же, не видно ни следов значительных разрушений, ни следов царского дворца или резиденции [Ibid.: 8–9].

В то же время, всем перечисленным критериям, по мнению ученого, отвечает Ильичёвское городище на Урупе [Ibid.: 9–17].

1.2. На наш взгляд, к самым очевидным недостаткам гипотезы Дж. Лэтем-Спринкла следует отнести, во-первых, отсутствие у него анализа грузинских и других источников, а во-вторых, отсутствие в его анализе важных деталей в процитированных им восточных источниках. К тому же этот историк упустил из виду гипотезу о тождестве Магаса Деякову, высказанную недавно Р. Ф. Фидаровым, с которой мы и начнем наше исследование.

1.3.1. Возражая Р. Ф. Фидарову, В. А. Кузнецов приводит сообщение арабского автора первой трети XIII в. Йакута о том, что у алан нет известного большого города, и сообщение ал-Мукаддаси о том, что «в стране аланов нет ни одного известного города» [Кузнецов 2014: 7]. И тут же добавляет: «[о]чевидно, что критерием определения города как “большого”, “известного” для образованных арабов были такие знаменитые в то время исламские города, как Мекка, Каир, Дамаск, Самарканд, Бухара. На Северном Кавказе таких действительно не было» [Там же].

Но что это меняет в дискуссии о местонахождении Дедякова или Магаса? Ровным счетом ничего: столицу алан следует искать среди тех городищ, которые хоть и уступают по размерам и, соответственно, по населению Дамаску, Каиру и другим перечисленным городам, но явно выделяются на фоне остальных северокавказских поселений¹.

В то же время В. А. Кузнецов забыл упомянуть о том, что в русских летописях Дедяков назван славным городом, что, несомненно, свидетельствует о его известности далеко за пределами Кавказа. В русских летописях находим также ономастический материал, позволяющий установить местонахождение Дедякова. Почин в разработке этого материала принадлежит Л. И. Лаврову и самому В. А. Кузнецову, однако в настоящее время он отказался от своей прежней позиции, отождествляющей Верхний Джулат–Татартуп с Дедяковым [Кузнецов 2014: 9]. Российский археолог, как и Дж. Лэтем-Спринкл, не упоминает и о грузинских источниках, очевидно считая их непригодными для решения рассматриваемых задач.

1.3.2. Вернемся, однако, к описанию Магаса по восточным источникам. Дж. Лэтем-Спринкл приводит одну важную деталь, обычно не рассматриваемую в работах российских исследователей. В «Юаньши» название столицы алан транскрибируется как *muzashan*, что содержит знаки (иероглифы) для леса (*mu*) и горы (*shan*) [LATHAM-SPRINKLE 2022: 7]. Это значит, что Магас мог находиться на горе, покрытой густым лесом. Но и это еще не все. Одна деталь в описании Магаса, упущенная Лэтем-Спринклом, позволяет уточнить локализацию столицы алан.

1.3.3. Согласно Джувейни (XIII в.) окрестности Магаса были «покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее» [ТИЗЕНГАУЗЕН 1941: 23]². Как видим, в сообщении Джувейни

¹ Дж. Лэтем-Спринкл полагает, что Ильичёвское городище превосходило по своей территории такие европейские города XIV века, как Лондон, Милан и Гент [LATHAM-SPRINKLE 2022: 2].

² В этом сообщении нельзя не заметить хорошо известную метафору, встречающуюся и в осетинском языке: *Уæдæ ныр цы чындæуа, калм куынаæ абырдзæн ацы æнгом хъæды, уæд дзы куыд бацыдæуа!* [«МД» 1985, № 6: 4], т. е. «Как же [нам] теперь быть, как пробираться через этот густой лес, ведь в нем не проползти даже змее!» Эту же метафору можно найти и в других языках и нам не следует брать ее в расчет.

содержится указание на болота, которое и упустил Дж. Лэтем-Спринкл. Между тем, это очень важное обстоятельство.

Говоря о разнице между укрепленными городами феодальной Европы и Руси, Н. П. Павлов-Сильванский справедливо отмечает, что «[п]редставление о феодале [в Европе. — Ю. Д.] неразлучно с картиною каменного замка на горе, с бойницами, рвами, подъемными мостами <...> В удельной Руси не было замков, потому что здесь не было гор. Но стремление огородиться, укрепиться проявлялось у нас в удельную эпоху достаточно сильно, и эта потребность удовлетворялась у нас всеми теми средствами, какие только давала природа страны: лес, болото, возвышенные берега рек» [Павлов-Сильванский 1988: 119–120]. И далее: «За отсутствием гор наши князата, монастыри и бояре ограждались возвышенностями, излучинами рек, озерами, “лесными дебрями и непроходимыми блаты”» [Там же: 120].

Этот вывод справедлив не только в отношении средневековой Руси, но и любого другого региона, лишенного гор. А поскольку значительная часть территории Алании представляла собой горную местность, указание на густой лес и непроходимые болота в окрестностях Магаса может свидетельствовать против горной локализации Магаса. Это исключает не только Нижний Архыз и Кяфар из списка претендентов на роль столицы алан, но и Ильичёвское городище, также расположенное в горах.

Правда В. А. Кузнецов ставит под сомнение достоверность сообщения Джувейни: «[е]сли северокавказская предгорная равнина раньше была облесена гораздо больше, чем сейчас, и густые леса могли реально существовать во многих ее местах, то наличие болот с естественно-географической средой Центрального Предкавказья вяжется плохо» [Кузнецов 1992: 334]. Однако у нас нет оснований не доверять Джувейни: по своему опыту мы знаем, что заболоченные места встречаются и в высокогорной зоне, обычно в пойме реки. Правда, эти болота не столь значительны, чтобы служить серьезным препятствием для продвижения конного отряда. Болота, удостоившиеся упоминания средневековым историком, должны были быть значительнее, и находиться в пойме большой реки. Поэтому Магас следует искать, скорее всего, в предгорной полосе на стыке с равниной в пойме одной из наиболее значительных рек Северного Кавказа. Река и густой лес с болотами — это два естественных объекта, защищавших Магас от внешних врагов. В то же время «Юаньши» позволяет уточнить, что эта река с лесами находилась у подножия горы.

То, что лес в окрестностях Магаса служил естественной оградой хорошо видно из дальнейшего описания Джувейни: чтобы добраться до Магаса, монголам пришлось с разных сторон прорубить дороги такой шири-

ны, что по ним могли проехать три или четыре повозки вряд [Тизенгаузен 1941: 23]. При этом монголы вторглись в Аланию, очевидно, «с севера — северо-востока» [Кузнецов 1992: 332]. Следовательно, густой лес и болота прикрывали Магас с северо-восточной стороны. Но и это еще не все. Джувейни продолжает: прорубив дороги, монголы выставили против стен Магаса метательные орудия и через несколько дней разгромили город [Тизенгаузен 1941: 23]. Значит, Магас был окружен двойной оградой: 1) лесом (и болотами) и 2) стенами замка, которые, очевидно, и располагались на склоне горы.

1.3.4. Описание окрестностей Магаса сопоставлено нами с описанием окрестностей Дзилатской башни (или замка), покрытых, согласно осетинскому и кабардинскому фольклору, густым лесом [Дзицойты 2022: 279]. Герой предания, занимался в лесу близ Дзилата утиной охотой, что указывает на заболоченность этого леса. А внутри замка на пригорке стояли две башни. Таким образом, окрестности Дзилата в описании осетинского и кабардинского фольклора идеально подходят под описание Магаса по Джувейни и «Юаньши».

Нет сомнений, что под Дзилатской башней (или замком) имеется в виду Верхний Джулат, расположенный на берегу Терека, на окраине равнины, называемой у средневекового грузинского историка Джуаншера «Осетинской равниной» (см. ниже). При этом «в эпоху средневековья Осетинская равнина, за исключением поймы Терека, была обезлесена вплоть до XIX в.» [Кузнецов 2003: 13]. К этому следует добавить, что в «Армянской географии» «Осетинская равнина» известна как «Ардоз».

Правы те, кто происхождение топонима *Ардоз* объясняет из осетинского апеллятива *ардуз* || *ардоз* ‘обширная поляна среди леса’ [Миллер 1887: 106–107; Абаев 1973: 402; Кузнецов 1992: 214, 215; 2003: 12–13]. В осетинском языке существуют и другие названия для равнины — *быдыр* ‘равнина; поле’, *тъапан(тæ)* ‘равнина, плоскость’ и *лагъз* ‘ровная поляна’. Однако для наименования Осетинской равнины был использован термин *ардоз*, который подчеркивал факт нахождения соответствующей равнины посреди лесов. Лес рос по периметру Осетинской равнины в пойме Терека.

Привлечение данных других письменных источников позволяет уточнить местонахождение аланской столицы. А пока позволим себе привести дополнительные аргументы против горной локализации Магаса.

1.3.5. В. А. Кузнецов, отождествлявший Магас с Нижним Архызом, сам же привел аргументы против своей гипотезы. Во-первых, во времена Масуди (нач. X в. н. э.), первым упомянувшем о Магасе, Нижний Архыз еще не был крупным городом: в нем только начиналось строительство

церквей. Во-вторых, в нем не обнаружено признаков царского дворца [Кузнецов 1988: 83]. Поэтому ученому пришлось привлечь на помощь городище на Кяфаре, где можно обнаружить царскую усыпальницу, объединив его в единый комплекс с Нижним Архызом.

Источники времен татаро-монголов, Плано Карпини (1246 г.) и Гильом Рубрук (1253 г.), сообщают, что в разгромленной Алании жители одной горы (соответственно *Mons in terra Alanorum* и *montes Alanorum*) продолжают сопротивляться татарам. Комментируя эти сообщения В. А. Кузнецов писал: «[в] горных теснинах татаро-монголы были беспомощны <...> Единственный достоверный случай глубокого их проникновения в глубь гор — нападение на сел. Рича и Кумух в Дагестане <...> О вторжении татаро-монголов в горные ущелья Осетии таких фактов нет, а сведения Карпини и Рубрука свидетельствуют скорее об обратном: эти ущелья для монголов остались недоступными» [Кузнецов 1992: 337]. Получается, что монголы не рисковали ходить походами только в высокогорную зону Дагестана и современной Северной Осетии, но для горной зоны современной Карачаево-Черкесии сделали исключение. Думается, однако, что замечание В. А. Кузнецова распространяется на всю горную зону Кавказа, поэтому Нижний Архыз, Кяфар и другие городища, расположенные в высокогорной зоне, следует раз и навсегда исключить из списка претендентов на звание столицы Алании.

1.3.6. Против отождествления Магаса со средневековым городищем на Нижнем Архызе выступил и Р. Фольц. По его мнению, не только это, но и другие оборонительные сооружения на Северном Кавказе, называемые ныне *городищами*, с которыми пытались соотнести Магас, слишком малы по площади, чтобы считаться столицей сильного государства. К тому же, византийские источники не содержат ни единого упоминания о Магасе, что довольно странно, т. к. Византия способствовала принятию христианства аланами, а ее миссионеры знали обстановку в Западной Алании несравненно лучше мусульманских и китайских историков, у которых и находим упоминания о Магасе [FOLTZ 2022: 45–47].

1.3.7. Можно привести и возражения против отождествления Магаса с Верхним Джулатом. Вспомним, что Магас был взят и разрушен зимой 1239–1240 гг. А Деяков–Верхний Джулат, скорее всего, в 1263 г. Но, с другой стороны, нельзя исключать того, что город частично возродился и просуществовал вплоть до начала XV в. (см. ниже). Отсюда и уверенность в том, что в 1277 г. «[т]атары вновь разгромили аланскую столицу» [Бзаров 2020: 38]. И только для XVII в. мы располагаем неопровержимыми свидетельствами того, что Ирак-и-Дадан, под которым нельзя не видеть исторического Деякова, был полностью и окончательно разрушен.

1.4. Нам остается добавить, что форма *ta'as* у Масуди [LATHAM-SPRINKLE 2022: 2], в которой гортанный стоп арабской графики вполне мог передавать осетинский увулярный смычный *q*, возвращает нас к вопросу об этимологии названия столицы Алании. В исконно осетинских (иранских) словах увулярный *q* восходит к древнеиранскому *g, что исключает предложенный нами ранее этимон **taka-* [Дзиццойты 2022: 246, 280]. Восстанавливать следует только этимон **maga-*, который допускает связь с двумя древнеиранскими основами. Во-первых, с основой **magā-* ‘углубление в земле, яма’, о которой см. [ЭСИЯ, V: 124]. В этом случае значение ойконима *Магас* можно сопоставить с позднейшим названием *Æрджы нараг*, о котором см. ниже. Во-вторых, с основой **mag-* ‘мочь, быть в состоянии, быть могущественным, обладать чудодейственной силой; приносить (в) жертву, даровать’ [ЭСИЯ, V: 120 и сл.], откуда идут как древнеиранское **magu-* ‘маг’, так и авестийское *magu-* — название специально (ритуально) очищенного места [ТАМ ЖЕ: 122], ‘место совершения тайных ритуалов’ [АБАЕВ 1958: 138]. В этом случае значение ойконима *Магас* тесно связано со значением второго названия аланской столицы — *Дедяков* (в русских летописях), который мы этимологизируем как «Богом созданный (город)» [Дзиццойты 2022: 278–279]. Если так, то осетинское (аланское) звучание названия столицы алан было *Mæqas / **Mæqas̄*.

2. Грузинские источники. Обратимся теперь к грузинским источникам, практически полностью выпавшим из поля зрения ученых, ищущих столицу Алании. Именно в них, как мы надеемся показать, содержатся материалы, позволяющие уточнить локализацию столицы алан-овсов.

2.1.1. Описывая события начала XI в., грузинская летопись в числе прочего сообщает о поездке царя овсов Дорголея в Грузию на встречу с царем Баграмом, который был женат на его сестре. При этом царь овсов отправился через Абхазию в Кутаиси [АГ: 41]. В. Б. Пфаф такой маршрут Дорголея объясняет тем, что его резиденция находилась в верховьях Кубани, т. е. в Западной Алании [ПФАФ 1871: 37]. Догадка Пфафа принята некоторыми исследователями [АЛЕКСЕЕВА 1971: 146; КУЗНЕЦОВ 1988: 80; ЛАВРОВ 2009: 526] и подробно прокомментирована В. И. Абаевым: «если бы столица Дорголея находилась где-нибудь в районе нынешней Осетии, ему незачем было бы кружить через Абхазию. Он отправился бы либо по нынешней Военно-грузинской дороге (если бы он направлялся в Тбилиси), либо по Военно-осетинской (если бы он направлялся в Кутаиси). Напротив, если допустить, что центр тогдашней Осетии находился в районе верхней Кубани, то путь, избранный Дорголеем, окажется наиболее удобным, коротким и естественным: через Клухорский перевал в Абхазию и оттуда в Кутаиси» [АБАЕВ 1949: 310].

Этот вывод можно было бы принять в том случае, если бы он опирался на анализ всей совокупности данных грузинских источников. Между тем, в грузинских летописях сообщается и о других поездках аланских (овских) царей в Закавказье, имевших место как в эпоху, предшествовавшую Дорголею, так и в эпоху, следовавшую за ней. Привлечение этого материала ставит под сомнение вывод о локализации столицы Алании в нынешней Карачаево-Черкесии, а также и в Краснодарском крае, и заставляет искать иную трактовку причины поездки Дорголея через Абхазию.

2.1.2. Начнем с эпохи, предшествовавшей Дорголею. Джуаншер (XI в.) довольно подробно описывает поход царей овсов в Картли, разорение Картли и пленение картлийцев, среди которых оказалась и трехлетняя сестра царя Грузии Вахтанга [АГ: 33–34]. Эти события относятся к V в. н. э. Спустя 6 лет, Вахтанг предпринял ответный поход в Осетию, разорив и ее, и земли ее союзников — джиков (адыгское племя) и пачаников (тюркское племя) [АГ: 34–36]. Решающая битва, в которой осетины и их союзники потерпели поражение, произошла в верховьях Терека, названного в одном случае «Арагвой», а в другом — «Осетинской Арагвой» [АГ: 34]³. Любопытно также географическое положение части адыгских и тюркских племен в описании Джуаншера. Грузинский летописец специально подчеркнул, что «Пачаникетия тогда граничила с Осетией по ту сторону реки Осетинской, там же была и Джикетия». И далее: «Спустя много времени бежали пачаники и джики от турков. Пачаники ушли на запад, а джики осели у перевалов Абхазии» [АГ: 36]. Т. е. описываемые события разворачивались именно на Центральном Кавказе, где и соседствовали аланы-овсы с какой-то частью тюркских и адыгских племен (= джики) по среднему течению Терека. Эти племена были союзниками алан, которые привлекли их к своему походу в Закавказье.

Как видим, в летописи указаны четкие географические ориентиры, связанные с военно-политической активностью овских царей. Это река Терек практически на всем ее протяжении и Дарьяльское ущелье. Нелишне напомнить, что Терек в его среднем и нижнем течении служил границей между Аланией и тюркскими племенами Северного Кавказа и в последующие века — вплоть до татаро-монгольского нашествия [Малахов 2020: 471; Дзиццойты 2022: 259–260]. Следовательно, местожительство политических

³ Появление этого гидронима в Осетии не случайно. Напомним, что один из осетинских сказителей называл Терек *Арджнынареджы дон* ‘река Арджинараг / река теснины Арг’ [Дзиццойты 2022: 255, 259]. Поскольку оба гидронима являются названиями одной и той же реки, известной сегодня как «Терек», встает вопрос: нет ли этимологической связи между гидронимами: осет. *Ærg-* || груз. *Arag-v-i* ‘Терек’?

лидеров алан (овсов) следует искать на землях, расположенных в пойме Терека. А поскольку грузинская летопись уточняет, что после разгрома равнинной части Овсетии «цари осетинские укрылись в крепостях Кавказа» [АГ: 36], следует заключить, что их столица в тот период находилась где-то на равнине или в предгорьях Кавказа. Сложив эти сведения, можно сделать вывод о том, что столица, которую Вахтанг разрушил («разрушил их города» [АГ: 36]), могла находиться на берегу Терека. Равнина, которая примыкает к этому городу, названа у Джуаншера «Осетинской равниной» [АГ: 34]. Таким образом, в грузинской летописи обрисована географическая ось «Территория на север от среднего и нижнего течения Терека–Осетинская равнина–Дарьяльское ущелье–Восточная Грузия», появившаяся задолго до описываемых событий, и надолго ставшая основным вектором военно-политической активности овсских царей. Западная Алания при этом либо вовсе не упоминается, либо упоминания о ней носят неактуальный характер.

2.1.3. Обратимся теперь к сообщению «Хроники эриставов» о трагедии, разыгравшейся в царском доме Осетии в VI или IX в. н. э. [АГ: 194–195]. Анонимный автор хроники сообщает: «В это время происходила сильная смута в стране Осетинской и обильно проливалась кровь царей их. Победителями оказались сыновья старшего брата, и перевели через Захскую гору детей младшего брата — Ростома, Бибила, Цитлосана и детей их с семьюдесятью рабами добрыми и привели в страну Двалетскую. Тогда собрались все двалы и сказали: “Не хотим иметь царя, сидящего в стране нашей, ибо съест он нас”. Но те, твердо поклявшись, сказали: “Мы не будем называться царями, а назовемся именем той местности, которую вы нам дадите”» [АГ: 59].

В дальнейшем представители царского дома вынуждены были все же покинуть Туалию (Двалети), и поселиться в Чисанском (Ксанском) ущелье. А со временем переселенцы превратились в эриставов (правителей) этого ущелья.

Точных сведений о времени переселения царских отпрысков в Южную Осетию не сохранилось. Но в летописи сообщается о том, что между правлением внука Ростома, Дмитрия, и жившим в эпоху монголов эриставом Виршелом «умерло царей 26 и эриставов 24, и лет прошло немало» [АГ: 61]. Если допустить, что на одно столетие приходится правление 5–6 эриставов, то наиболее оптимальной датой переселения их предков окажется IX в.⁴

Любопытно отметить, что в Южную Осетию были сосланы дети и внуки младшего сына царя Осетии, но не он сам. Возможно, этот «младший брат» погиб в борьбе за власть. А «сыновья старшего брата», оказавшись

⁴ Эту дату принимает и В. А. Кузнецов [1992: 183].

победителями, не стали учинять расправы над побежденными, а выслали их за пределы своей территории. Нас в данном случае интересует, во-первых, топонимия, описывающая маршрут переселенцев, а во-вторых, выбор Южной Туалии (груз. Двалети) в качестве места изгнания сыновей «младшего брата».

Если бы столица Алании находилась в западной ее части, то в качестве места изгнания для детей и сторонников младшего брата была бы выбрана Абхазия или Сванетия, но не Южная Осетия (Двалети). То, что в хронике речь идет именно о Южной Осетии, не вызывает сомнений [АГ: 191]. Во-первых, изгнанники переправились через Главный Кавказский хребет в районе селения Закка (Захская гора). Во-вторых, они оказались в Двалети, где поселились в местности «Бобалетай» [АГ: 59], что, несомненно, соответствует селению *Бобот* в Урстуалта. Автор хроники (или его информант) переделал этот ойконим на грузинский лад: *Боб-ал-ет-ай*, т. е. придал ему вид исконно грузинских ойконимов, ср.: *Баз-ал-ет-и*, *Къар-ал-ет-и*, *Мар-ал-ет-и* и пр. [Дзиццойты 2021: 83]⁵ Вся остальная топонимия (в основном это ойконимы), недавно вновь проанализированная в работе автора этих строк [Дзиццойты 2021], также указывает на северо-восточную часть Южной Осетии, где и находится провинция *Урстуалтæ*.

Эта провинция неслучайно была выбрана в качестве места ссылки опальных царевичей. Дело в том, что эпитет *урс* ‘белый’ в ее названии указывает не на сословное превосходство южных туалецов над северными, которых именуют *сау туал* ‘черные туалыцы’ [Дзиццойты 2021: 78–80], а скорее на независимость «белых туалецов» от царской власти [Там же: 81]⁶. Нам уже приходилось отмечать, что аналогичное положение прослеживается и на Руси, где земли, зависимые от царской власти, назывались *черными*, а земли независимые — *белыми* [Там же: 80]⁷. Т. е. изгнанники оказались на землях своего же этноса, но не подчиняющегося «старшему брату», поэтому могли чувствовать себя в полной безопасности. Таким образом, столица Алании-Осетии в IX веке могла находиться только в пределах современной Северной Осетии, причем в западной ее части. Если бы сто-

⁵ Вопреки Ю. С. Гаглойти [АГ: 193] фамильное имя «Бибилури» и топоним «Бобалетай» не являются «бесспорно одного происхождения».

⁶ Этому противоречит следующее утверждение К. Л. Хетагурова: «Не только власть чужеземных повелителей никогда не проникала в Нарскую котловину, но даже самые могущественные из осетинских царей не предъявляли никаких прав на нее» [ХЕТАГУРОВА 2000: 315]. Но очевидно в раннем средневековье отношения между северокавказскими туалцами и царской властью в Алании строились на какой-то форме зависимости первых от последних.

⁷ О «черных землях» на Руси см. также [Павлов-Сильванский 1988: 64, 65].

лица находилась в восточной части современной Северной Осетии или еще дальше, то изгнанникам, во-первых, незачем было бежать в Южную Осетию, они вполне могли выбрать в качестве места изгнания горную Ингушетию или Чечню. А во-вторых, если допустить, что Южная Осетия была их конечной целью, они вполне могли воспользоваться дорогой, идущей через Дарьяльское, а затем и Трусовское ущелье (осет. *Тырсыгом*), которая и привела бы их в Урстуалта.

Косвенным свидетельством в пользу сказанного является и то, что в более поздних фамильных преданиях потомков изгнанных царевичей — эриставов-Бибилых — говорится об их родстве с известной феодальной фамилией в позднесредневековой Северной Осетии — Дударатаэ («Дударуковы») [АГ: 195–199]. Эти предания указывают на происхождение как Бибиловых, так и Дударовых из царского дома Алании-Осетии. Во-первых, Дударатаэ, как и эриставы-Бибилури, принадлежали к роду Сидæмонтæ [АГ: 198–199]. Во-вторых, Дударатаэ входили в обширное феодальное объединение *Тæгиатæ* «Тагаурцы», которые в свою очередь, судя по устной осетинской традиции, связывали свое происхождение с правителями Джулата, т. е. Деякова [Дзиццойты 2022: 254, 257–258]. Следовательно, эриставы Бибилури в позднем средневековье прекрасно помнили о своем осетинском происхождении, а также о родстве с царским домом Алании, и поддерживали с ним связь даже в монгольское время: один из эриставов, Шалва, привел себе в жены «дочь царя овсов по имени Ширди» [АГ: 62]. Выбор Южной Туалии в качестве места ссылки, маршрут опальных царевичей к месту ссылки, родственные связи, поддерживаемые эриставами с царским домом овсов на протяжении почти 400 лет, память о родстве с Дударатаэ-Тæгиатæ, которые, в свою очередь, вплоть до недавнего времени помнили о своем родстве с правителями Джулата⁸, — все это говорит о том, что столица алан-овсов находилась в Верхнем Джулате.

2.2.1. Обратимся теперь к сведениям, описывающим события, последовавшие за эпохой Дорголея. В XII в., когда в Грузии решался вопрос о замужестве царицы Тамары, «прибыли в Тбилиси осетинские ца-

---

⁸ Глухим отзвуком этих связей, помимо тех, которые указаны в нашей первой публикации [Дзиццойты 2022], является следующая «историческая» новелла А. Кодзати «Суадон зарыд» (Пел родник): В Дарьяльском ущелье (Арвыком) в своей крепости (мæсыг) или жилой башне (гæнах) жил некий Дудар, пытавшийся породниться с неким алдаром из далекого селения (дард хъæуккаг алдар). В ходе повествования уточняется, что сей алдар был из *Æлдары хъæу* ‘Селения правителя’ и принадлежал к *Æлдараты мыггаг* ‘роду Алдаровых’ [«МД», 1966, № 5: 42–45]. Здесь мы видим намек на родственные связи между Дударатаэ и лидерами «Селения правителя», как называют Верхний Джулат в осетинском фольклоре.

ревичи», претендовавшие на ее руку. Однако они были отвергнуты и вынуждены были вернуться на родину. Но «одного из них обуяла столь сильная любовная страсть к Тамаре, что он не выдержал, слег в беспамятстве и встретил свою кончину в Никози, где и был похоронен у храма св. Раждена» [АГ: 44]⁹.

Из Тбилиси на Северный Кавказ ведут несколько дорог. Одна из них идет через Дарьяльское ущелье, а другая — через грузинский город Гори, где она раздваивается. Одна ветка через Лихский перевал идет в Западную Грузию (город Кутаиси), откуда через Сванетию или Абхазию можно попасть на территорию современной Карачаево-Черкесии. А вторая через селение Никози ведет в Дзауское ущелье Южной Осетии, откуда можно попасть на территорию современной Северной Осетии (т. н. Двалетская дорога). Если бы столица Овсетии находилась в Западной Алании, царевичи воспользовались бы вторым из этих путей, т. е. через Кутаиси. Но они выбрали третий, что однозначно свидетельствует о том, что столица алан-овсов находилась в пределах современной Северной Осетии.

Любопытно при этом отметить, что царевичи вполне могли воспользоваться и дорогой через Дарьяльское ущелье, но не сделали этого. Почему? Ответ на этот вопрос раз и навсегда должен исключить северо-восточный Кавказ из списка претендентов на столицу Алании. Если бы столица находилась восточнее нынешнего города Алагир, скажем в Чечне или Ингушетии, то царевичи должны были выбрать именно маршрут через Дарьяльское ущелье, т. к. он короче и удобнее. Маршрут же через Никози короче для тех, кто едет в противоположном направлении — на запад от нынешнего Алагира. Таким образом, единственным претендентом на звание столицы Алании (Овсетии) остается городище Верхний Джулат, несомненно, соответствующее яскому городу Дедаков.

Следует отметить, что дорога через Дарьял была для овских царей вполне безопасна. Как увидим ниже, овские цари контролировали Дарьяльское ущелье и, следовательно, у них не могло возникнуть проблем с проездом через него. Более того, царям овсов были доступны и дороги к востоку от Дарьяла. Вспомним следующее сообщение грузинской летописи. В начале XII в. «царь овсов» Урдур, совершил поход на царя Квирике, пройдя «дорогой дурдзукской и глиггов», а затем — через Тианетию в Кахетию [АГ: 73]. Следовательно, выбор царевичами дороги через Никози был продиктован не соображениями безопасности, а соображениями

---

⁹ По мнению грузинского историка М. Джанашвили, среди претендентов на руку Тамары был и Сослан-Давид, ставший впоследствии вторым мужем грузинской царицы, см. [Тогошвили 1990: 58].

экономии времени: это был кратчайший путь из Грузии в западную часть современной Северной Осетии.

2.2.2. Под 20-ми гг. XII в. грузинская хроника сообщает о приезде царя Грузии Давида Строителя в Овсетию для ведения переговоров с царем Овсетии о беспрепятственном проезде кипчаков через Дарьяльское ущелье [АГ: 42]. В хронике нет описания маршрута грузинского царя, как нет и описания всего маршрута кипчаков. Единственный географический ориентир — это Дарьяльское ущелье, которое в это время контролировалось царем Осетии. Можно ли предположить, что последний жил в Западной Алании и именно туда к нему отправилась грузинская делегация? Маловероятно. Если бы грузинский царь направлялся в Западную Аланию, то зачем было ему проделывать огромный путь длиной более чем в 500 км. по территории Осетии, когда он спокойно мог преодолеть этот путь по своей территории — через Кутаиси? Создается впечатление, что конечный пункт поездки грузинского царя — территория современной Северной Осетии.

К тому же Дарьяльское ущелье — это стратегически важный путь и особая статья доходов, требовавший ежедневного контроля. Сомнительно, что этот контроль осуществлялся овскими царями из Западной Алании. Нужно полагать, что грузинский царь заплатил осетинскому коллеге значительную сумму за проезд кипчаков, размер которой в числе других вопросов был обговорен во время их встречи.

Следует уточнить, что грузинский царь, в отличие от овских царевичей, для поездки в Осетию не воспользовался дорогой через Никози. Причина, несомненно, в том, что путь через Дарьяльское ущелье намного удобнее, чем путь через Туалию. К тому же, поездка через Никози предполагала проезд по территории осетин-туальцев, которые не всегда были лояльны к грузинской царской власти. А поездка через Дарьяль исключала каких бы то ни было неожиданностей и конфликтов с местными племенами: грузинский царь попадал непосредственно на территорию осетин-иронцев.

2.2.3. В 1263 г., потерпев поражение от золотоордынских войск на Тереке, представители царствующего рода Алании из фамилии «Ахсартгаиани» (осет. *Ахсартæггатаæ*) вместе с князьями и дружиной эмигрировали в Грузию, пройдя «через Дербентские ворота». Возглавляла эмигрантов мать малолетних царевичей — Пареджана и Бакатара — Лимачав, старшего из сыновей которой летописец в дальнейшем называет «сыном осетинского царя» [АГ: 54, 185]. Спустя какое-то время, повзрослевший Бакатар, объединив закавказских осетин, выступил против грузинской царской власти [АГ: 189] и именно он стал тем самым «Ос-багатаром», которого в осетинских преданиях именуют последним царем Осетии [Кузнецов 1990: 85; Дзищойты 2019а: 209, 217]. Грузинская летопись именует его не царем

(мепе), а правителем — «мтавар овсов Бакатар» [АГ: 56]. Крайне любопытно, что Бакатар заложил основу того периода в истории Осетии и Грузии, который известен под названием «óсоба» [Дзиццойты, I: 37–51]. Но нас в данном случае интересует маршрут эмигрантов из Осетии в Закавказье. Г. Д. Тогошвили привел убедительные аргументы, ставящие под сомнение путь аланских беженцев через Дербент: «[г]рузинский историк Парсадан Горгиджанидзе (XVII в.), пользующийся древнейшим и более полным чем дошедший до нас списком “Картлис цховреба”, в связи с фактом эмиграции осетин в Грузию называет Дараламскую (вар. Дарьяльскую) дорогу» [Тогошвили 1983: 201–202]. И это вполне логично, ибо маршрут через Дербент был намного длиннее и опаснее.

Если бы столица Алании находилась в западной ее части, то маршрут царевичей не мог пролегать через Дарьял. Сам факт того, что решающая битва между монголами и аланами состоялась на Тереке, а также тот факт, что потерпевшая поражение аланская знать бежала через Дарьял, говорит о том, что столица Алании находилась где-то на Тереке.

Бегство царевичей вместе со знатью и остатками дружины объясняется тем, что в этой битве аланы потерпели сокрушительное поражение, приведшее к потере контроля над столицей, а значит и над всей страной [ВАНЕЕВ 1989: 272]. Это поражение способствовало также уходу значительной массы населения равнинной Алании в горы Кавказа [ТАМ ЖЕ: 273].

2.2.4. Вывод о локализации столицы Алании в пределах западной части современной Северной Осетии напрашивается и из другого сообщения грузинской хроники. Вторым мужем царицы Тамары стал «сын осетинского царя» Сослан [АГ: 44; Тогошвили 1990: 10]¹⁰, именуемый армянским историком Мхитаром Гошем «мужем из аланского царства», которого при воцарении нарекли именем Давид [АГ: 169]. В осетинской фольклорной традиции, а также в знаменитой Нузальской надписи Сослан-Давид именуется представителем рода *Цæразонтæ* (груз. *Чарджонидзе*). Их резиденция (или одна из резиденций) в предмонгольское и монгольское время находилась в селении Нузал (Алагирский район Северной Осетии) [ГУТНОВ 1993: 12]. В этом же селении в знаменитом склепе *Нузалы аргъуан*, букв. ‘Нузальская церковь’, согласно осетинским преданиям, был похоронен последний царь Осетии Бакатар (осет. *Ос-Багъатыр*), о котором речь шла выше. Это значит, во-первых, что Бакатар был ближайшим родственником Сослана-Давида¹¹, а во-вторых, при жизни последнего столица их общего

¹⁰ В одном летописном грузинском источнике Сослан-Давид неточно назван «царем овсов» [Тогошвили 1990: 13].

¹¹ Неслучайно грузинская летопись сравнивает Сослана-Давида с Бакатаром, жившим в V в. н.э. [Тогошвили 1990: 33].

пращура находилась в пределах Северной Осетии, а не в современной Карачаево-Черкесии. При этом, Нузал, как минимум, в XII веке был уже одной из резиденций аланских царей, а иначе трудно объяснить связь с этим селом как Сослана-Давида, так и выбор этого села в качестве места упокоения последнего царя Осетии.

2.3. Таким образом, грузинские источники довольно определенно свидетельствуют против западно-аланской локализации столицы Алании и, соответственно, в пользу ее локализации в Восточной Алании, а точнее — в Арджинараге. Эту локализацию поддерживают также русские летописи (XIII–XIV вв.), сообщающие о славном яском городе Деякове [Дзиццойты 2022: 273 сл.], а также дагестанская хроника «Дербенд-наме» (XIV в. н. э.), сообщающая о Джулате, как об одном из главных городов области Ирхан [Там же: 269]. В начале XV в. немецкий путешественник И. Шильтбергер называет разгромленную Аланию «гористой страной Джулад», что также указывает на Джулат как на столицу Алании: называть всю страну по ее столице — это хорошо известная практика у многих народов [Там же: 261]. Сюда же относится сообщение турецкого путешественника Эвлия Челеби (XVII в.) о городе *Ирак-и-Дадриан* на Центральном Кавказе [Там же: 277]. На это же указывает осетинский фольклор, в котором главный город (т. е. столица) старой Осетии, локализуемый в Арджинараге, известен под несколькими описательными названиями: *Алдары хъау* ‘Селение правителя’, *Алдаратæ* ‘Алдаровы (= правитель и его семейство)’, *Алдараты хъау* ‘Селение правителя и его семейства’, *Алдараты хъаубастæ* ‘то же’, *Дзылаты маesyг* ‘Дзилатская башня’, *хани гъау* ‘ханское селение’, *ахсини гъау* ‘селение правителя’, *паддзахи гъау* ‘селение царя’ [Там же: passim].

3. Армянские источники. Очевидно, в этом же ключе следует рассматривать сообщение Мовсеса Хоренаци о мятеже в стране алан после смерти отца царевны Сатиник. Армянский царь Арташес, женатый на Сатиник, направил войско в страну алан, разбил противников брата Сатиник и взял их в плен. «Земля, откуда были приведены пленники, называется и поныне Артаз» [Алемань 2003: 378–379]. Правы те, кто отождествляет «Артаз» Хоренского с упомянутым выше «Ардозом» «Армянской географии» [Там же: 370, 379]. Следовательно, резиденция царской династии алан, согласно армянским источникам, и в это время (II в. н. э.) находилась где-то в районе Осетинской равнины (Ардоз / Артаз), а вовсе не в Западной Алании.

4. Маршрут Дорголея. Таким образом, локализация столицы аланов в Арджинараге и до, и после Дорголея не вызывает сомнений. В связи с этим вновь встает вопрос о маршруте Дорголея через Абхазию и

город Кутаиси. Этот маршрут явно выпадает из общего ряда и требует своего объяснения. Если вопреки процитированным сведениям допустить, что столица Алании в эпоху Дорголея находилась в западной ее части, то придется предположить, что Дорголень или его непосредственный предшественник перенес столицу в Западную Аланию, но кто-то из его наследников снова вернул ее в Арджинараг. Можно ли подкрепить эту догадку какими-нибудь аргументами?

4.1. Строго говоря, грузинская летопись вообще не упоминает столицу Алании ни в связи с Дорголеем, ни в связи с цитированными выше другими событиями. Утверждение о том, что Дорголень отправился на встречу с грузинским зятем из своей столицы, это предположение современных исследователей. Возможно, в Западной Алании находилась одна из резиденций царей Алании (см. выше), и Дорголень именно оттуда отправился на встречу с грузинским царем. Но нельзя исключать и того, что он отправился на встречу из Арджинарага через Западную Аланию. При этом Дорголень мог преследовать определенную цель — продемонстрировать местному населению, а также своему зятю, что он надежно контролирует всю территорию своего царства. Ведь Дорголень отправился на встречу со своим визави еще и «со всеми князьями Осетии» [АГ: 41]. Таким образом, поездка Дорголея может оказаться ритуальным объездом своих владений, призванным показать всему миру, что он действительно «великий царь овсов» (*didman ovsta mepeman*), как его именует грузинская летопись [АГ: 41]. Ни до, ни после Дорголея ни один из царей Осетии не удостоился такого звания, очевидно по той причине, что они перестали быть царями всей Алании или же плохо контролировали ее западные территории. Вот что пишет по этому поводу З. Н. Ванеев: «нужно полагать, что уже в конце XI века Осетия больше не представляла объединенного политического целого и раздробилась на отдельные владения» [ВАНЕЕВ 1989: 245]. Мы бы уточнили: Алания-Осетия всегда состояла из отдельных владений, которые сумел объединить Дорголень Великий. Таким образом, маршрут, выбранный Дорголеем, подчеркивает его особый статус и не может служить опровержением вывода об Арджинарагской локализации столицы Алании-Осетии¹².

4.2. Вывод об Арджинарагской локализации столицы Алании давно был сформулирован З. Н. Ванеевым: «Деяков вероятно был главным населенным пунктом (столицей) алан-асов» [ВАНЕЕВ 1989: 270]. В. А. Кузнецов счел необходимым уточнить, что в Арджинараге могла находиться

¹² Менее вероятно полагать, что под Абхазией в сообщении о поездке Дорголея имеется в виду Западная Грузия — именно так именовалась западная часть грузинского царства (вплоть до границ Южной Осетии) в тот период.

столица восточной части Алании-Асии, но не всей Алании [Кузнецов 2003: 24]. Позже, как мы видели, Кузнецов отказался от этих слов [Кузнецов 2014: 9], оставив вопрос о локализации столицы Алании открытым. Мы в свою очередь до недавнего времени тоже колебались в выборе окончательного решения [Дзицойты 2022: 273, 281 и сл.]. Однако в свете цитированных грузинских источников, знакомство которых с политической обстановкой в Алании-Осетии зиждилось как на длительном соседстве и политических контактах, так и на тесных династических браках, предпочтение следует отдать восточно-аланской (Арджинарагской) локализации столицы алан-овсов. Столица эта носила несколько названий, в числе которых, как это предполагал Р. Ф. Фидаров, — Деяков и Магас.

4.3. Поскольку этот вывод вызвал возражения у В. А. Кузнецова, мы не вправе обойти молчанием позицию российского ученого. При этом мы не станем возвращаться к аргументам против горной локализации Магаса.

4.3.1. Прежде всего, В. А. Кузнецов высказывает гипотезу о дуализме этнокультурной структуры Алании, производным от которого считает дуализм в плане политическом. При этом исследователь полагает, что в Алании было два племенных союза — протодигорцев (асдигор) на западе и протоиронцев на востоке [Кузнецов 1988: 76–77]. В соответствии с этим делением выдвинута гипотеза о двух царствующих династиях в Алании, первую из которых, согласно византийским источникам, возглавлял эксусиократор алан, а вторую — архонт асов [Там же: 77–80]. Этот вывод представлен и в обобщающей монографии автора по истории алан: «можно полагать, что в это время [X–XI вв. — Ю.Д.] в Алании существовали две властвующие династии, одна из которых (политически более влиятельная) возглавляла Верхнекубанскую Аланию, другая локализуется в восточной части Алании — Ирхане» [Кузнецов 1992: 238–239]. Приблизительно такую же картину политического «дуализма» у алан рисует и Ф. Х. Гутнов [1993: 37–38].

Однако В. А. Кузнецов пошел еще дальше, предположив, что западная династия представляла собой осетинскую ветвь грузинских Багратидов. Но поскольку автору хорошо известна полемика между осетинскими и грузинскими историками по этому вопросу, он уточняет, что восточная династия, одним из представителей которой был Сослан-Давид, конечно же, была осетинской, носившей родовое название Цæразонтæ. А западная была грузинской, т. е. ветвью Багратидов, причем «западная династия осуществляла высшую политическую власть по всей территории Алании, тогда как восточная династия правила только в восточной Алании» [Кузнецов 1988: 77–80].

Этот вывод противоречит источникам. Ю. С. Гаглойти [1969], Г. Д. То-гошвили [1981; 1990: 10–45] и В. И. Абаев [1990: 417–420] показали

несостоятельность гипотезы об осетинской ветви грузинских Багратидов. Эта версия была сочинена в XVIII в. грузинским историком и географом Вахушти Багратиони¹³. А сочинена она по очень простой причине: Вахушти было ясно, что за признанием осетинского происхождения Сослана-Давида должно последовать признание того факта, что в XII в. в Грузии правила новая, осетинская, династия. А так как это не отвечало политическим и национальным интересам Вахушти, он решил «исправить» биографию Сослана-Давида, сочинив «историю» об осетинской ветви Багратидов. Версия Вахушти была вписана на полях некоторых списков «Картлис цховреба», однако она отсутствует, как минимум, в одном из них, а также противоречит сведениям грузинских и армянских источников. Ввиду своего искусственного происхождения версия Вахушти и была отвергнута осетинскими историками. Решив спасти фальсификацию Вахушти, В. А. Кузнецов привлек В. И. Абаева в качестве своего «союзника». Оказывается, Абаев тоже писал о двух правящих династиях у алан. И это, действительно, так, однако Абаев имел в виду два независимых осетинских рода — Цæразонтæ и Æгъуызатæ [АБАЕВ 1990: 421], а отнюдь не Цæразонтæ и осетинскую ветвь грузинских Багратидов.

Чтобы спасти версию Вахушти, В. А. Кузнецову необходимо найти такой список «Картлис цховреба», который был бы создан до эпохи Вахушти, но заведомо не побывал в его руках, и в котором была бы представлена его версия. До обнаружения такого списка всякие разговоры о багратидстве западной ветви правителей Алании — не более чем досужие разговоры. Нет поэтому оснований считать концепцию В. А. Кузнецова о дуализме правящей верхушки алан обоснованной.

4.3.2. Если, однако же, из концепции В. А. Кузнецова удалить фальсификацию Вахушти, то и в этом случае она будет вызывать много вопросов. Начнем с того, что нам не ясны причины установления этнокультурного и политического дуализма у алан. Ведь арабоязычный историк иранского происхождения Ибн Руста (начало X в.), достаточно полно описавший как политическую, так и этническую и конфессиональную ситуацию в Алании, говорит о четырех племенах, из которых состоит народ алан, подчеркивая, что «благородство и царская власть принадлежат племени, называемому» *Ruxsās [АЛЕМАНЬ 2003: 343]. Эти сведения неоднократно цитируются и В. А. Кузнецовым, который при этом делает вывод о «дуализме» этнокультурной структуры Алании. Однако его позиция противоречит не только сведениям Ибн Руста, но и «Армянской географии». Последний из этих источников также дает основание говорить о четырех

¹³ Впрочем, такие грузинские ученые, как А. И. Джавахишвили, Н. Марр и И. Мегрелидзе также высказывали сомнения в версии Вахушти.

основных племенных подразделениях у алан: аланы-ардозцы, асы, дигорцы (названные общим термином аш-дигор) и туалыцы (а вместе с ними — кударцы / кудеты [АЛЕМАНЬ 2003: 370]). В этом списке сложнее всего решается вопрос об ас-дигорах. С одной стороны, нет сомнений в том, что дигоры соответствуют современным дигорцам [АЛЕМАНЬ 2003: 370], а с другой, не ясно, идет ли речь о дигорцах, проживавших в современной Северной Осетии, или дигорцах, проживавших в современной Карачаево-Черкесии.

По мнению В. А. Кузнецова, ас-дигор — это западная группа алан, которую он именует «протодигорцами» [КУЗНЕЦОВ 1988: 77]. Но не ясно, почему дигорцы упоминаются вместе с асами? Можно ли тут предполагать смешанное племя, состоящее из двух родственных групп — алан-асов и алан-дигорцев? Возможно, дело было именно в этом, и мы вправе говорить о разной степени взаимопроникновения асов и дигорцев на означенной территории. Следует при этом иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, на территории современной Кабардино-Балкарии, судя по современному осетинскому названию *асы* для балкарцев, процесс смешения привел к полному поглощению дигоров. Во-вторых, выражение «Армянской географии» «народ аланов аш-дигор на юге» можно понимать в том смысле, что дигорцы жили в горах и, возможно, предгорьях Алании, а асы — к северу от них. Таким образом, мы отделяем дигоров от асов, находившихся на разных ступенях взаимоассимиляции, и предлагаем видеть в сообщении «Армянской географии» четыре основных аланских племени: асов, дигоров, алан-ардозцев и туалыцов. Племена *Ruxsās у Ибн Руста соответствуют аланы-ардозцы. Первые три подразделения в разных источниках известны как «аланы», однако, по сообщениям Рубрука и Иосафата Барбаро, цитируемым и В. А. Кузнецовым [1988: 77], самоназванием алан было *ās*. В полном соответствии с этими сообщениями аланы в грузинских источниках встречаются под названием *овсни*, т. е. «асы». При этом в грузинских источниках этноним «овсни» ни разу не прилагается к аланам-туалыцам, а в грузинских фольклорных источниках овсы противопоставлены также и дигорцам. Вывод, напрашивающийся из этих сведений, давно сформулирован Г. С. Ахвледиани: под овсами грузинских источников скрываются аланы-иронцы [АХВЛЕДИАНИ 1960: 69; ДЗИЦЦОЙТЫ, I: 11]. «Аланы в стране Ардоз» «Армянской географии» признаны «предками современных восточных осетин, или иронцев» и другими учеными [АЛЕМАНЬ 2003: 370]. Что касается туалыцев (двалов), то они отождествляются с предками южных осетин [ТАМ ЖЕ: 39, 371].

Таким образом, нет сомнений, что на всем протяжении средневековья доминирующим этническим элементом на всей территории равнинной и предгорной Алании были асы. Именно в недрах этой этнической группы вызревали будущие иронцы, наиболее яркими представителями которых

стали правители (эксусиократоры) Алании. К моменту создания «Армянской географии» (VII в. н. э.) восточные аланы-асы («ардозцы») уже обособились от своих западных сородичей, асов, последние из которых тесно сблизились с дигорами.

Чтобы получить двучленную схему этнокультурной структуры алан, В. А. Кузнецову пришлось исключить дигоров и двалов (туальцев) из четырехчленной схемы, и, вслед за В. И. Абаевым, признать их автохтонами Кавказа. Именно дигоры и туалы, по мнению российского исследователя, послужили субстратом для алан. Здесь нет возможности вступать в дискуссию о субстрате в осетинском языке и культуре. Автор этих строк неоднократно высказывался по этому вопросу (последний раз в [Дзиццойты 2021]). Наше мнение вкратце сводится к следующему: если бы средневековые туалыцы были автохтонами, то субстрат был бы исключительным достоянием современных туалыцев, а не всех осетин, т. е. не алагирцев, не куртатинцев и т. д. Между тем, то, что В. И. Абаев называет «субстратом», равномерно распределено по диалектам и говорам осетинского языка. Это исключает не только средневековых туалыцев, но и средневековых дигоров из списка кандидатов на роль «субстратного» этноса.

Так кто же правил в Западной Алании? Ибн Руста называет правящее племя в Алании *Ruxsās, т. е. «светлыми асами» (см. выше). Грузинские источники называют всех царей Алании, включая Дорголея, «овсами», т. е. асами, осетинами. Монголы называли всех своих противников в Алании асами (асуд) [Алемань 2003: 480, 486]. В китайских источниках правители различных областей Алании, покорившиеся монголам, также известны как асы [Там же: 523–528]. Таким образом, вся правящая верхушка у алан была асской. Ни о каком этнокультурном дуализме у этой верхушки источники не сообщают.

4.3.3. Сказанное, конечно же, не означает, что у алан не было племенной и политической раздробленности. Но, во-первых, племенных подразделений, во всяком случае, основных, было четыре, а во-вторых, главенствующее положение среди них занимали асы, превосходившие всех остальных алан как по численности, так и по политическому весу.

4.4. Позиция В. А. Кузнецова требует ответа еще на один вопрос: почему в одних источниках основное население Алании известно под названием «алан», а в других — под названиями ас (овс), дигор и туал? Как соотносились три последних этнонима с этнонимом *алан*?

В. А. Кузнецов сначала полагал, что асы — западное, а аланы — восточное подразделение народа Алании, но впоследствии отказался от этой идеи [Кузнецов 1988: 77]. Недавно мы предложили свое решение проблемы, опираясь на параллель с Древней Персией [Дзиццойты 2019б: 247].

В древнеперсидских надписях цари из династии Ахеменидов именуют себя одновременно и персами, и арийцами. В знаменитой «Накш-и-Рустемской» надписи Дарий I сообщает о том, что он *Pārsa : Pārsahyā : riça : Ariya : Ariya : čiça* (DNa, 13–15), т. е. «перс, сын перса, ариец (из) арийского рода / племени». Аналогичное утверждение находим и в других надписях Дария (DSe, 12–14), а также и в надписях Ксеркса (XPh, 12–13). Двойная этническая принадлежность персидских царей всегда вызывала недоумение. Очень тонкое наблюдение итальянского ираниста Г. Ньюли расставило все по своим местам.

Привлечение авестийского, древне- и среднеперсидского материала показало, что там, где персидские цари говорят о своей принадлежности к персам, речь идет о вполне конкретной стране (т. е. Персии) с вполне определенными границами и населением. А там, где речь заходит об ариистве, цари всегда имеют в виду мифическую прародину, называемую *Арианам ваэджо* (в Авесте), или *Еранвеж* (в среднеперсидских текстах) [Gnoli 1989: 17; Rossi 2000: 2074]. Поскольку этноним *алан* восходит к этнониму «арий», мы вправе предположить аналогичную дистрибуцию этнонимов на древнеосетинской почве. Все племена скифо-сарматского круга называли себя как определенными, только им принадлежащими этнонимами, позволявшими отличать их от остальных родственных и неродственных племен, так и общим для них этнонимом «арий», позволявшим соотнести себя со славными предками далекой эпохи. При этом, этноним *алан*, как и этноним «арий» у персов и других иранских народов, ассоциировался у предков осетин с мифической эпохой и мифической прародиной, свидетельством чему являются упоминания об *аллон*'ах рядом с великанами-людоедами в осетинском фольклоре [Дзиццойты 2019б: 246–247]. Потому-то и кавказские аланы называли себя то аланами, то асами. Это значит, что носители этнонима *ас*, несомненно, считали себя потомками и/или частью *алан*, т. е. ариев. У нас нет сомнений в том, что точно так же могли мыслить себя и дигоры, и туалыцы. Поэтому противопоставление асов аланам у некоторых современных авторов лишено всякого смысла.

Нет, стало быть, никаких оснований для постулирования этнокультурного и политического дуализма у алан.

II. Фольклорные данные

5.1. Сказание о царях и купцах. Обратимся теперь к фольклорному материалу, ранее не привлекавшемуся в связи с локализацией столицы Алании. Речь идет о фольклоре южных осетин, в котором представлено предание об осетинских царях, проживавших в замке на вершине священной

горы Бурхох и периодически совершавших ритуальный объезд подвластной им территории. Анализ этих преданий представлен в нашей статье [Дзищойты 2019а], к которой мы отсылаем за подробностями. Нас в данном случае интересуют сохранившиеся в этих преданиях сведения о купцах (базырган), едущих в Стамбул через Рачу и город Кутаис [ТАМ ЖЕ: 195]. Мы уже указывали на архаичные черты в данном предании [ТАМ ЖЕ: 193–196]. Во-первых, Стамбул назван городом греческого царя, а не турецкого султана. Это может указывать на то, что основа предания восходит к византийской эпохе (до 1453 г.). Во-вторых, город Кутаиси назван не *Кутаис*, как в современном осетинском, а *Кутаты калак*, что, несомненно, указывает на древнегрузинскую форму *Кутати. В-третьих, Черное море названо не *Сау денджыз*, как в современном осетинском, а *Сау фурд*. Таким образом, перед нами один из древнейших фольклорных текстов осетин. Вместе с тем ясно, что на вершине горы Бурхох не могло быть замка. Этот сюжет первоначально был прикреплен к другой священной горе, возле которой и находился реальный замок царей. Эта гора не могла находиться в современной Карачаево-Черкесии, т. к. в этом случае неясны пути миграции фольклорного сюжета в Южную Осетию. Не исключено поэтому, что в первоначальной редакции рассматриваемого предания речь шла о священной горе в окрестностях современного Верхнего Джулата. Таким образом, отправная точка ритуального объезда царями своей территории находилась не на горе Бурхох, а в Арджинараге, рядом со священной горой. После татаро-монгольского нашествия, когда значительная масса равнинных алан оказалась в горах Центральной и Южной Осетии, священная гора аланской столицы была прикреплена к другой священной горе — Бурхоху. Только по этой причине осетинские цари со своим замком переместились на вершину одной из самых священных гор Южной Осетии.

Однако вернемся к купцам. Совершенно ясно, что и они в первоначальной редакции анализируемого предания отправлялись в Стамбул не с вершины горы, а из столицы (или замка царей). Надо полагать, что этот замок был не только политическим, но и торговым центром средневековой Осетии. Маршрут купцов через Рачу и Кутаиси говорит о том, что столица находилась не в Западной Алании, а на территории современной Северной Осетии. Т. е. если в этом предании есть историческое зерно, то мы можем заключить, что в эпоху средневековья существовали торговые связи между Арджинарагом и Византией.

Ритуальный объезд своей территории в осетинском предании может быть репликой объезда своей территории Дорголедем, а также и другими реальными царями Осетии.

5.2. Пророк Сем и Дзилатская башня. В осетинском фольклоре сохранились сведения о жизни и деятельности выдающегося осетинского пророка Санаты Сема. В преданиях о нем для нашей темы важен сюжет о смерти пророка. В нем упоминается некий храм или церковь (аргъуан), обрушение которого приводит к кончине пророка.

Эпизод с разрушением храма встречается в нескольких вариантах, не всегда, впрочем, связанных со смертью пророка. Согласно двум из них, Сем посетил храм (аргъуан), который вот-вот должен рухнуть. Поняв это, Сем предупредил прихожан, которые, однако, проигнорировали его слова и даже объявили Сема сумасшедшим. Но храм действительно рухнул, похоронив под собой прихожан [ХИФ 1936: 556; «Ф» 1981, № 11: 85–86]. В других вариантах обрушение храма влечет за собой смерть самого пророка.

В трех текстах указан даже день смерти пророка — пятница [«Ф» 1964, № 6: 66–67; «Ф» 1993, № 2: 105; «Ф» 1993, № 5: 104]. Третий из этих текстов имеет наиболее сложную структуру. Как-то раз, проходя мимо женского монастыря (букв. *кувæндон* ‘святилище’), где проходила служба в честь святой Марии (Майрæм), пророк получил удар камнем в затылок, и тут же потекла его кровь. Увидев это, женщины смягчились, но вместе с тем послали в его адрес следующее пророчество-проклятие: «Сегодняшняя пятница — день нашей молитвы, а в следующую пятницу рухнет это святилище, а третья пятница пусть станет днем твоей смерти!» Все так и случилось: рухнул храм, а через неделю умер пророк.

Существует еще и четвертый, несколько упрощенный вариант, в котором нет указания на день смерти пророка. Увидев храм (аргъуан), пророк так обращается к нему: «О, храм! Через год в этот же день ты рухнешь, а вслед за этим наступит и моя смерть» [«Ф» 1993, № 2: 104].

Разбор расхождений между рассматриваемыми вариантами не входит в задачу наст оящего исследования. Для нашей темы важно то, что практически в каждом варианте говорится о конфликте между пророком Семом и христианской паствой. При этом в том тексте, где говорится о «святилище» (*кувæндон*), речь на самом деле идет о христианском храме, т. к. вход в традиционные осетинские святилища (*капища*) был заказан не только для женщин, но и для рядовых богомольцев-мужчин. Женщин не пускали даже на территорию, прилегающую к святилищу. К тому же женщины в святилище молятся Деве Марии (Майрæм), от имени которой и происходит название пятницы в современном осетинском языке — *майрæмбон*, букв. «день (святой) Марии» [АБАЕВ 1973: 67–68]. Именно пятница в христианской традиции (например, у славян) считалась женским днем и почиталась в виде женского божества Параскева (или Пятница) [МНМ, II: 357; УСПЕН-

ский 1982: 134–138]. В осетинском языке греческое *παρασκευή* ‘пятница’ приняло значение ‘траур’ — осет. *барысчъи* [АБАЕВ 1958: 238]. Очевидно, в аланском христианстве пятница была посвящена еще и поминанию мертвых. Перечисленными обстоятельствами и объясняется пятничная молитва женщин, проклявших пророка.

Таким образом, во всех шести вариантах предания речь идет о христианском храме, а описываемое событие прикреплено к пятнице.

Агрессия женщин против пророка свидетельствует о конфликте между двумя конфессиями — традиционно осетинской, олицетворением которой выступает пророк Сем, и христианской¹⁴. Но о каком христианстве может идти здесь речь? Об аланском или о том, которое было восстановлено в XIX веке усилиями российских миссионеров? Иначе говоря, каким временем следует датировать появление анализируемого сюжета и где находился упоминающийся в нем храм?

В двух из рассмотренных текстов храм расположен в каком-то неопределенном месте [ХИФ 1936: 556; «Ф» 1993, № 5: 104]. В одном тексте храм находится на территории Грузии [«Ф» 1981, № 11: 85–86], в другом — в осетинском селении Закка [«Ф» 1964, № 6: 66–67], расположенном в Центральной Осетии. Последняя локализация угадывается еще в одном тексте, согласно которому, пророк, направившись из югоосетинского селения Рук в сторону Северной Осетии, перевалил через Главный Кавказский хребет, где его взору открылся вид на храм [«Ф» 1993, № 2: 104]. Это описание подходит к селению Закка, расположенному на северном склоне хребта почти напротив селения Рук.

Но в одном тексте говорится о *Дзылаты маэыг* «Дзилатской башне», расположенной близ селения Эльхотово [«Ф» 1993, № 2: 105]. В поддержку именно такой локализации интересующего нас храма можно привести притчу о нерадивых прихожанах одной церкви, записанную и обработанную осетинским писателем Д. Хьороты (1890–1924): *Иу быдыры хъау сæ аргъуанмæ дзæбæх нал касти æмæ ныххæлæттаг и. Хуыцау сын дæсныйы дзыхæй загъта, куы нæ йæ саразой, уæд съл æй ныккалдзæни, зæгъгæ. Ничи байхъуыста дæснымæ æмæ иу бон куы уыди, уæд съл æй ныккалдта æмæ, йæ хуылфы чи уыд, уыдон байсæфтъысты* [Хьороты 1990: 96], т. е. «Жители одного равнинного села перестали заботиться о своем храме, и он стал приходить в негодность (букв. разваливаться). Бог предупредил их через жреца, чтобы они одумались и отремонтировали (свой храм), а иначе Он обрушит его им на головы. Однако к словам жреца никто не прислушался, и однажды (Бог) обрушил (на них храм), и погибли все, кто был внутри».

¹⁴ Другим фольклорным отражением этого противостояния являются рассказы о соперничестве между небожителем Уастырджи и Христом [«Ф» 1995, № 1: 78–82].

В этой притче нет прямого упоминания Сема. Однако он, на наш взгляд, выступает под видом того самого жреца, который был направлен к прихожанам церкви. У них одна и та же функция: будучи лидерами конкурирующей конфессии, они направлены самим Богом с миссией предупреждения о грядущем бедствии. Однако христианская паства им не поверила, ибо привыкла доверять только своим, христианским пророкам и миссионерам. В результате случилась трагедия. Думается, рассматриваемый сюжет возник в наизидание той части населения, которая примкнула или склонна была примкнуть к христианской вере. Идеологический контекст как предания, так и притчи таков: вы, верующие, зря отвернулись (или отворачиваетесь) от исконно осетинских пророков и жрецов — именно они являются носителями истинных знаний и проводниками воли Всевышнего. Как видим, тут налицо конфессиональный антагонизм, который мог возникнуть только в эпоху первой христианизации осетин-алан, ибо в эпоху восстановления христианства в Осетии в народе ходили совершенно другие предания и притчи (кстати, до сих пор не изученные).

Установив тождество образа Сема с жрецом, мы можем предположить, что и в цитированных выше преданиях о Семе последний был направлен в храм самим Богом. А соответствующую притчу можно признать редуцированным вариантом рассматриваемых преданий.

В притче обрушившийся храм расположен где-то на равнине, а в одном из преданий — рядом с Дзилатской башней. Сложив эти сведения, мы приходим к выводу о том, что под рухнувшим храмом имеется в виду один из христианских храмов Дедякова. У нас нет сомнений в том, что и в тех вариантах, в которых локализация храма неопределенна, первоначально речь шла именно о храме в Дедякове. Полное уничтожение этого города монгольскими захватчиками привело к тому, что фольклорные сведения о храме стали постепенно тускнеть. Устная традиция осетин превратила рухнувший храм близ Дзилатской башни сначала в храм, расположенный где-то на равнине, затем — в храм, расположенный где-то в неопределенном месте, а затем и вовсе стала ассоциировать с различными другими объектами — храмом в селении Закка и храмом в Грузии.

Как видим, осетинский фольклор сохранил сведения о христианском храме в столице Алании, а также намек на конфессиональный антагонизм между традиционной религией и христианством. Гибель Сема от символа христианской религии свидетельствует о победе последней. Если так, то образ Сема находит параллель в Нартовском эпосе в лице героя Батрадза, олицетворяющего народные, дохристианские верования осетин и вступившего в конфликт с христианами, а точнее — с христианизированными

божествами древнеосетинской религии. Батрадз, как и Сем, пал жертвой христианских богов¹⁵.

Очевидно, именно конфессиональной борьбой между традиционной («хетаговской») религией и христианством в столице Алании объясняется тот факт, что центр почитания традиционных святых сместился (или сохранился?) в район нынешнего Суадага, где расположен *Хетаджы к'ох* 'святилище Хетага', подробнее о котором см. [Дзиццойты 2020]. При этом мы приводили сведения из осетинского фольклора, свидетельствующие о том, что один из храмов (святилищ?) в Арджинараге осетины и сегодня называют «хетаговским» [Дзиццойты 2022: 248, 249–250, 267]. Догадка о наличии в прошлом христианского святилища на вершине высокого пригорка под названием *Татæртупп* высказывалась и ранее [Цагаева 1975: 508]. Сейчас к этим сведениям следует добавить формулу, встретившуюся у одного из осетинских писателей: *Науæд Татæртупп-Хетаджы Уастырджийы раз цы цаæсгомæй балæудзынаен?* [«МД», 1982, № 1: 40], т. е. «А иначе с какой совестью я предстану перед Татартупом — (святилищем) Уастырджи Хетага / Хетаговского Уастырджи?»

III. Данные ономастики

6. Топоним *Æрджы нараг* / *Æрги унгаг*. Долина, в которой расположен Верхний Джулат, называется у осетин *Æрджы нараг*, по-дигорски — *Æрги унгаг*, где *унгаг* 'тесный, узкий; теснина' — семантический эквивалент иронского *нараг*. Компонент *Æрджы* в иронском варианте представляет собой форму родительного падежа от *Æрг*. Последнее восходит к забытому этнониму [Цагаева 1975: 547; Кузнецов 1984: 148–149; 1992: 220–221; Дзиццойты 1992: 43–44, 177; 2019в: 7], представленному и в других топонимах Северного Кавказа, а также зафиксированному в осетинской паремии: *Æргæн сæ бæхрагъау куы фæтардæуыд, уæд сын сæ фаджысыл цагъд скодтой* «Когда у аргов табун лошадей угнали, они вокруг их навоза ограду построили» [ИÆ: 322; ОДНИ: 94]. Таким образом, рассматриваемый топоним означает «Теснина аргов».

Во второй половине XIX в. в иронском диалекте осетинского языка гуттуральный ряд перед гласными переднего ряда (е, и), а также перед гласной среднего ряда (ы) подвергся палатализации, приведшей к переходу в соответствующие аффрикаты. Поэтому мы имеем *æрг* в именительном, но *æрджы* в родительном падеже. Дигорский диалект избежал этих преобразований, поэтому мы имеем *æрг-* в именительном, и *æрги* в родительном падеже.

¹⁵ Об этой стороне образа нарта Батрадза подробнее см. в нашей статье [Дзиццойты в печати].

Казалось бы, с происхождением анализируемого топонима все ясно. Однако на деле это не так. У некоторых осетиноведов возникают сомнения по поводу значения и происхождения обоих компонентов. Начнем, однако, с народной этимологии, возводящей *Арджы нараг* к словосочетанию *арæджы нараг*, т. е. «недавно (образовавшаяся) теснина» [ИАА, III: 113]. Данная этимология сопровождается этимологическим мифом, однако она наивна и ошибочна с точки зрения исторической фонетики осетинского языка. Явно ошибочен также перевод «теснина неба» [ЭОН, I: 114], предполагающий в компоненте *арг* современный апеллятив *арв* ‘небо’ (в композитах — *арв-*). Н. Г. Джусойты [1979] пытался связать компонент *арг* с тюркским *арг* ‘ущелье’, что маловероятно как ввиду отсутствия ущелья в описываемом регионе, так и ввиду явной связи этого компонента с другими топонимами Северного Кавказа, не являющимися названиями ущелий, например, с гидронимом *Аргудан* в современной Кабардино-Балкарии.

Незнанием исторической фонетики осетинского языка можно объяснить и догадку Б. П. Берозова о связи рассматриваемого топонима с словосочетанием *Ардзы нараг* ‘Теснина природы’ [Берозов 1992: 56], т. е. «природная / естественная теснина». Неубедительна также попытка объяснить семантику топонима следующим умозаключением: «Здесь действительно тесно всему: и природе, и человеку» [Там же]. На самом деле, каждый, кто хоть раз побывал в этом уголке Осетии, не мог не заметить, что там нет даже ущелья в строгом смысле этого слова, не говоря уже о теснине: *Арджы нараг* — это название весьма просторной долины в предгорной зоне Осетии.

В современной географической номенклатуре осетин *нараг* — это наиболее узкое, труднопроходимое место в ущелье. Т. е. географические (ландшафтные) условия не поддерживают наименования *Арджы нараг* для этой местности¹⁶, поэтому следует предположить, что данное название было либо перенесено некими переселенцами в «готовом виде», либо компонент *нараг* имеет в нем другое значение. Мы предлагаем два возможных решения этой проблемы.

Во-первых, учитывая сказанное выше о непроходимых лесах в окрестностях столицы Алании, можно предположить, что в этом месте была проложена дорога. Выше мы видели, что столица алан была прикрыта лесом с северной и восточной стороны и, чтобы добраться до нее,

¹⁶ Как курьез можно отметить следующую фразу из стихотворения одной поэтессы, уроженки селения Эльхотово: *Арджынараджы — Елхоты ком* [Бызыккаты 2016: 200], т. е. «Эльхотовское ущелье (находится) в Арджинараге». Если точно следовать значению современного осетинского *нараг*, то ущелье оказывается в теснине, что противоречит логике вещей: ожидали бы теснину в ущелье.

монголам пришлось прокладывать дороги. Следовательно, дорога, о которой мы говорим в связи с географическим термином *нарæг*, шла к столице алан с южной и западной стороны. Скорее всего, это была часть дороги, соединяющей столицу алан, с одной стороны, с Дарьялом и Уалладжиром, а с другой — с северо-западным Кавказом. Надо полагать, что от Дарьяла дорога шла сначала вдоль Терека, а затем, где-то в районе слияния Терека с Ардоном или ниже сворачивала вглубь леса. И именно этот отрезок, проходящий через лес, и мог называться «тесниной».

Во-вторых, как это было показано в одной из наших работ, все известные по фольклорным материалам таможенные заставы осетинских царей, находились в наиболее узких проходах в ущельях [Дзиццойты 2019а: 208, 210]¹⁷. В народной географической номенклатуре осетин эти узкие места носят название *нарæг* ‘узкий, тесный; узина; теснина’. Возможно, для аланских царей это слово стало ассоциироваться с ‘местом, где находится таможня’, откуда затем развилось значение ‘таможенная застава’. Последнее значение и могло быть перенесено в окрестности Джулата. Следовательно, в местности *Æрджы нарæг*, близ Джулата, находилась одна из таможенных застав аланских царей. В этом случае точное значение анализируемого топонима будет «Таможня (в местности) Æрг». Т. е. слово *нарæг* представлено здесь в специфическом значении «таможня».

Свои первые таможенные заставы политические лидеры Алании могли строить в горах, где и произошла эволюция значения слова *нарæг* от ‘теснины’ до ‘таможенной заставы’. А затем практику строительства таможенных застав цари Алании перенесли на равнину, используя термин *нарæг* в значении «таможня».

Косвенным подтверждением этого вывода могут служить сведения из осетинского фольклора: *Æлдаратæ сæ фæндагыл цæуæггаг илц истой* «Алдаровы взымали плату за проезд по своей территории (букв. по своей дороге)» [Дзиццойты 2022: 270]. *Æлдаратæ* — это фольклорное название правителей средневековой Осетии, а также их города.

7. О фамильном / родовом названии осетинских царей. В грузинских летописях, а также в осетинских преданиях сохранилось несколько вариантов родового названия аланских (овских) царей, из которых нам предстоит определить истинное.

7.1. Выше мы рассмотрели сообщение грузинской хроники о бегстве в Грузию юных царевичей вместе с их матерью Лимачав в 1263 г. Фамилия эмигрантов звучит *Ахасарпакъаианни* [Андроникашвили 1966: 133, 134]. Однако, учитывая, что в грузинской письменности знаки для «п» и «т» похожи, уже давно было высказано предположение, что переписчик исказил

¹⁷ О таможенных сборах в Алании см. [Ванеев 1989: 256].

форму родового названия осетинских царевичей, которое звучало *Ахсартагиани, а эта форма, в свою очередь, соответствует осетинскому родовому названию *Æхсæртæггатæ*, представленному и в нартовском эпосе [Глагойти 2010: 160]¹⁸.

Мы не склонны видеть в эпосе отражения фамилии реальных аланских правителей. Скорее наоборот: аланские правители соотносили свою династию с царствующим родом в осетинском эпосе — *Æхсæртæггатæ*, из числа которых происходили такие выдающиеся воины и правители, как Урузмаг, Сослан и Батрадз. «Подобная опора на эпос вполне логична, поскольку она позволяет аланскому царскому дому обосновать свое историческое право на верховную власть в обществе, выводя ее из мифологической эпохи, из времен “начала начал”» [Сальбиев 2022: 302].

Эта ситуация во многом напоминает ту, которую мы обсуждали выше в связи с двойным самоназванием у аланских племен: если каждое из племенных объединений соотносило себя с легендарными предками — аланами/ариями, то царская династия соотносила себя с легендарными правителями у далеких предков скифо-сарматских племен. Напомним, что родовое название *Æхсæртæггатæ* имеет общие индоиранские корни. Таким образом, *Æхсæртæггатæ* не являлось родовым названием в строгом смысле этого слова. Однако представители доминирующей ветви у правителей Алании с гордостью носили это название, и к нему, очевидно, принадлежали все действующие цари у алан: Росмик, Урдур, Дорголель, Худдан и др., включая и последнего царя Осетии Ос-Багатара.

Обоснование своего права на верховную власть у аланских царей осуществлялось и путем наречения отпрыскам царской фамилии имен легендарных нартов. Ср. имена *Сатана* — у дочери аланского царя II в. н. э. (в армянских источниках), *Сослан* — имя осетинского царевича, мужа и соправителя грузинской царицы Тамары.

Но если *Æхсæртæггатæ* — не фамилия аланских царей, то как же звучало название царской династии? На этот счет в грузинских источниках и в осетинском фольклоре сохранились любопытные сведения.

7.2. Начнем с грузинской летописи, «Дзегли эриставта», в которой описано бегство аланских царевичей, потерпевших поражение в борьбе за власть. Обосновавшись в Южной Осетии, царевичи стали именоваться по-разному. Во-первых, *Бибилури* (осет. *Бибылтæ*) — по имени одного из братьев-переселенцев. Во-вторых, *Квенипневели* — по названию селения *Квемо Ипневи* «Нижнее Ипневи», в котором они обосновались [АГ: 60, 190]. Первое из этих родовых названий сохранилось до наших дней, но оно не

---

¹⁸ Прочтение этого имени как *Æхсартаæ* у В. А. Кузнецова [1990: 110] — результат недоразумения.

было исконным, т. к. в летописи прямо сказано, что так царевичей стали именовать уже после их переселения в Южную Осетию.

В более поздних источниках потомков этих переселенцев именуют *Сидамонидзе*, *Сидамон-Эристави* [АГ: 96, 194, 198]. Нет сомнений в том, что это наименование восходит к названию древнейшего осетинского рода *Сидæмонтæ* [АБАЕВ 1979: 102–105; АГ: 199]. Означает ли это, что царевичи принесли фамильное имя *Сидæмонтæ* со своей родины — Верхнего Джулата? На этот вопрос трудно ответить. Но даже если опальные царевичи прибыли в Южную Осетию с этой фамилией, которую скрывали от своих новых соседей ввиду данного ими обещания не называться царями, а называться по выделенной им местности, она не могла быть родовым наименованием всей династии. Иначе упоминание о ней всплыло бы и в связи с той ветвью, которая оставалась в Джулате. Т. е. фамилия *Сидæмонтæ*, скорее всего, существовала и до переселения царевичей, но была названием какой-то одной ветви аланских царей. В Южной Осетии же произошло ее возвеличивание, т. к. была исконным наименованием всех переселенцев и единственной нитью, связывавшей их с царским домом Алании. В связи с этим любопытно отметить, что в топонимии Малолиахвского ущелья Южной Осетии, где и произошел политический взлет потомков некогда опальных царевичей, отмечены следующие названия. Во-первых, топонимы *Сидæмонты дзуар* ‘святилище Сидамоновых’ [ТЮО, II: 366, 513], *Сидæмонты фидар* ‘замок Сидамоновых’, иначе называемый *Уанаты фидар* ‘замок селения Уанат’ [ТАМ ЖЕ: 520] и *Сидæмонты хъæу* ‘селение Сидамоновых’ [ТАМ ЖЕ: 481–482]. Во-вторых, ороним *Дзылаты хох* ‘гора Дзилат’, связь которого с топонимом «Джулат» очевидна [ТАМ ЖЕ: 364–365]. Появление этих топонимов, несомненно, связано с обоснованием в этом ущелье отпрысков царского рода Алании. Таким образом, мы получаем подтверждение того факта, что опальные царевичи бежали из Арджинарага, а не из какого-то другого региона Северного Кавказа. В то же время мы убеждаемся и в том, что их исконное родовое название было не *Бибылтæ*, а *Сидæмонтæ*.

7.3. Осетинские фольклорные тексты позволяют утверждать, что одним из царственных родов в Алании были *Цæразонтæ*. Мы не станем повторять аргументов в поддержку этой версии, они приведены и проанализированы в работах [АБАЕВ 1990: 408–422; Кузнецов 1990: 105–140]. Достаточно сказать, что Сослан-Давид, муж и соправитель грузинской царицы Тамары, в грузинской летописи именуется «сыном осетинского царя» (см. выше), а в осетинской устной традиции и в Нузальской надписи — представителем рода *Цæразонтæ*. Этого, казалось бы, достаточно, для признания основной ветви правящего рода Алании царзонидами. Но такому решению противоречат некоторые другие факты.

Если вспомнить, что матерью царицы Тамары была «дочь осетинского царя Бурдухан» [АГ: 50], а ее мужем — «сын осетинского царя» Сослан-Давид [АГ: 51], то получается, что Сослан-Давид был родным племянником Бурдухан, а Тамара и Сослан — двоюродными братом и сестрой. Однако кросскузенные браки в Осетии не поощрялись. В связи с этим В. А. Кузнецов резонно замечает: «и Тамар (по осетинской линии) и Давид Сослан происходят из царских династий, которые не могли быть близкими между собой, иначе брак был бы невозможен (браки между членами осетинских “арвадалта” — братств — могли иметь место не раньше девятого поколения)» [Кузнецов 1990: 112]. Далее идет комментарий, справедливость которого не может вызвать сомнений: «отсюда следует вывод, что род Давида Сослана и род Худдана–Бурдухан–Тамар — это действительно гетерогенные роды или “стыр мыггаг”, давшие две параллельно существовавшие аланские династии» [Там же]. Далее следует повтор выводов автора о дуализме политической организации Алании, однако с тем дополнением, что *Цæразонтæ* признаны второстепенными, локальными правителями Восточной Алании, а эксусиократора Алании (по К. Багрянородному) признаны потомки Саросия, олицетворяемые известными по письменным источникам царями Дургулелем, Худданом и его дочерью Бурдухан [Там же: 112–113]. Дальнейшие рассуждения привели российского ученого к утверждению о связи династии Дургулеля–Худдана с грузинской царствующей фамилии Багратидов [Там же: 86]. Однако тут можно усмотреть противоречие: ведь В. А. Кузнецов связывает Дургулеля и Худдана с правителем алан Саросием (V в. н. э.) [Там же: 111], который заведомо не мог быть Багратидом. Мы не станем возвращаться к вопросу об осетинской ветви Багратидов. Однако вывод о принадлежности Сослана-Давида и царицы Тамары (по материнской линии) к двум разным, хотя и родственным царским династиям средневековой Алании представляется нам убедительным. Абсолютно обоснованным представляется нам и вывод о том, что *Цæразонтæ* были боковой ветвью аланских царей, не обладавшей реальной властью¹⁹.

7.4.1. Проблема однако в том, что рассуждения о двух правящих династиях у алан с опорой на вывод В. И. Абаева о двух конкурировавших фамилиях, *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ* и *Цæразонтæ*, привели В. А. Кузнецова к полному игнорированию первого из этих родов, который подменен вымышленной ветвью грузинских Багратидов. Между тем, если принимать во внимание выводы В. И. Абаева, то логика рассуждений должна была привести В. А. Кузнецова к совершенно иному выводу:

¹⁹ Не исключено, что к одной из боковых ветвей принадлежали и те аланские царицы, которые добивались руки Тамары (см. выше).

линия, представленная Дургулелем, Худданом и Бурдухан, — это и есть та самая ветвь, которая в осетинском фольклоре именуется *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ*.

7.4.2. Это заставляет нас пристальнее присмотреться к родовому объединению *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ*.

В письменных источниках, нет упоминаний об этом роде в связи с царями Осетии. Единственный источник, указывающий на царственность этого рода — анонимная поэма «Алгъузиани», написанная на грузинском языке в самом конце XVIII или в начале XIX века. Происхождение этой поэмы окутано туманом, поэтому она пока не может быть привлечена в качестве полноценного источника.

Осетинский фольклор, а также грузинские письменные источники позднего средневековья называют представителей рода *Æгъуызатæ* (груз. *Иагузишвили*) региональными правителями (груз. *азнаури*) [АГ: 95–96]. Однако есть основание полагать, что под упомянутыми выше *Æхсæртæггатæ* (груз. *Ахсартагиани) скрываются именно *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ*.

7.4.3. Если анонимная поэма «Алгъузиани» действительно написана по мотивам реальной истории алан, то представители рода *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ* были правящей династией Алании-Осетии. В. И. Абаев обратил внимание на одну загадочную фразу в этой поэме: «Сослан соблазнил других сказывателей». И тут же следующим образом прокомментировал ее: «Не следует ли это понимать так, что были сказители, воспевавшие подвиги Сослана из рода *Særazon*, тогда как автор “Алгузиани” считал достойным воспевания только царя из другой фамилии, *Alghuzon*?» [АБАЕВ 1990: 421].

Действительно, анонимный автор пытается показать, что царями средневековой Осетии были представители рода *Алгъуызтæ*, а не *Цæразонтæ*. Встает вопрос: с кем полемизирует анонимный автор? Ответ на этот вопрос для нас очевиден: полемика ведется с автором столь же анонимной и столь же загадочной по происхождению Нузальской надписью, в которой утверждается, что Багатар, а это, несомненно, упомянутый выше Ос-Багатар, как и целый ряд других политических деятелей Осетии, приписаны к роду *Чарджонидзе-Чъархилани*, т. е. *Цæразонтæ-Цъæхилтæ*. Соответственно и заслуги Ос-Багатара приписаны роду *Цæразонтæ*.

Аналізу Нузальской надписи, наряду с некоторыми смежными вопросами, мы посвятили отдельную статью [Дзиццойты 2019а], выводы которой и сегодня представляются нам верными. Мы, как и В. А. Кузнецов, не считаем Нузальскую надпись фальшивкой в том смысле, что она

действительно существовала. В ней в очень сжатом виде изложена вся политическая биография Ос-Багатара, и что принципиально важно, большинство его биографических данных совпадает с тем, что рассказывает осетинский фольклор об Ос-Багатаре, и грузинская летопись «Жамтаагъмцѣрели» об историческом Бакатаре. Но существуют нюансы, на которые мы тогда не обратили внимания. Прежде всего, это форма родового имени *Чарджонидзе*. Хорошо известно, что древнеосетинская *-a-* перед носовыми фонемами перешла в *-o-* только после XIV века. Следовательно, Нузальская надпись, в которой имеем современную форму на *-он-*, не могла быть составлена раньше XV века. Точнее было бы сказать, что надпись появилась тогда, когда представители рода *Цѣразонтѣ* стали единоличными хозяевами Нузала, и у них появилась возможность оцарозонить Ос-Багатара. Это могло произойти между XV и XVIII вв. Именно против этой попытки и направлена поэма анонимного автора, фактически повторившего в развернутом виде содержание Нузальской эпитафии, но исправившего некоторые сведения.

К числу совпадений можно отнести следующее.

- 1) Бакатар — царь Осетии, живущий в эпоху монголов (ноины).
- 2) Он живет не на Северокавказской равнине, а где-то в горах (когда однажды ему пришлось пробираться из Чечни в Кабарду, он поехал не через равнину, а через горы).
- 3) Бакатар, объединив некоторые кавказские народы, борется против монголов.
- 4) Бакатар был доверчив, о чем знали его противники в Грузии, которые и погубили его.

Однако есть и существенные расхождения, которые, и были важны для автора поэмы. Бакатар — потомок легендарного *Алгъуыз*'а, хотя он же отождествляется с этим Алгузом, ибо с монгольскими ноинами борется именно Алгуз²⁰. Эта путаница свидетельствует об отсутствии у автора поэмы четких представлений о генеалогии осетинских царей, однако одно несомненно: автор уверен в том, что последний царь Осетии принадлежит к роду *Алгъуызтѣ*, а род *Цѣразонтѣ* у него вообще не упоминается.

Характерно, что анонимный автор поэмы называет своего героя не Ос-Багатаром, снискавшим недобрую славу в Грузии, а эпонимным именем *Алгъуз(он)*. Это значит, что и ему не было известно истинное имя Ос-Багатара, хотя не исключено, что Алгъуз для анонима — собирательный образ аланских правителей.

---

²⁰ Сопоставительному анализу Нузальской эпитафии и поэмы «Алгъузиани» мы надеемся посвятить отдельное исследование.

Добавим к этому еще один вывод, также вытекающий из позиции анонимного автора: конкурирующий род *Цæразонтæ* был возвеличен задним числом благодаря авторитету Сослана-Давида, который, во-первых, не был царем Осетии, а во-вторых, всю свою жизнь трудился на благо Грузии. Осетинский фольклор, путая Сослана-Давида с последним осетинским царем, Ос-Багатаром, который тоже провел большую часть своей жизни в Грузии и Южной Осетии, объявил Ос-Багатара мужем царицы Тамары [ИАА, III: 28, 29]. Эту путаницу и отражает Нузальская надпись, а впоследствии она проникла и на страницы научных изданий, объявивших Ос-Багатара представителем рода *Цæразонтæ* [АБАЕВ 1990: 462; Кузнецов 1990: 133]. Даже Ивана Йалгъузидзе, которого многие ученые не без основания считают автором анонимной поэмы, и фамильное имя которого, несомненно, отражает осетинское *Алгъуызтæ*, некоторыми современными исследователями причислен к роду *Цæразонтæ* [Калоты 1982: 8]. Следует отметить, что эта путаница не могла появиться на пустом месте. Очевидно, *Цæразонтæ* и *Алгъуызтæ* были близкородственными фамилиями, что и способствовало их сближению в сознании носителей осетинской устной традиции.

Вдобавок ко всему, осетинский фольклор объявил Ос-Багатара прародителем всех аристократических родов Осетии, в числе которых оказываются как *Цæразонтæ*, так и *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ*, окончательно лишив нас возможности установить родовую принадлежность Ос-Багатара по осетинским преданиям.

7.4.4. Однако в осетинском фольклоре сохранились сведения об Ос-Багатаре, исключаящие его принадлежность к Царазоновым. Речь идет о событиях, связанных с таким явлением в истории Осетии и Грузии, как *óсоба*. Основу этому явлению заложил интересующий нас Ос-Багатар. Это явление охватило территорию Центральной и Южной Осетии, а также такие регионы Грузии, как Картли, Рача и пр. Расширяя границы Осетии, Ос-Багатар опирался в первую очередь, на представителей рода *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ*, которые, судя по осетинским преданиям, участвовали в событиях *óсоба*, благодаря чему и произошло их возвеличивание в Южной Осетии. Ни Сидамоновы, ни тем более Царазоновы в делах Ос-Багатара не принимали участия. Отсюда можно сделать вывод, что правящая династия аланских царей имела родовое название *Æгъуызатæ* / *Алгъуызтæ*. Второе ее название — *Æхсæртæггатæ*. Но параллельно с ними существовали боковые ветви, *Цæразонтæ* и *Сидæмонтæ*, которые не имели реальной власти и, возможно, правили какими-то областями Алании.

Вся правящая династия вместе с боковыми ответвлениями имела также общее название *Æлдаратæ*, сохранившееся в осетинском фольклоре, и

калькированное на тюркский язык в виде *Дзылатæ*, откуда и второе название столицы алан *Джулат*.

7.5. Следует сказать несколько слов о происхождении антропонима *Алгъуыз*, легшего в основу наименования всей династии аланских правителей. В. И. Абаев возвел его к латинскому *August(us)* «Август» [АБАЕВ 1990: 414], что фонетически возможно, но, на наш взгляд, маловероятно. Если принять данную этимологию, то следует признать, что вопрос о легитимизации царской власти у алан опирался на внешние факторы. Между тем, как было показано выше, свою легитимность аланские цари доказывали через родство с царским родом в Нартовском эпосе, т. е. опираясь на внутренний фактор. Это дает нам основание предложить для рассматриваемого имени другую этимологию.

Компонент *-гъуыз* в этом имени связан с современным осетинским *хуыз* ‘вид, облик; цвет’, на что указывал уже В. И. Абаев, полагая, что речь должна идти о вторичном сближении — по народной этимологии [ТАМ ЖЕ]. Мы же полагаем, что это исконное слово, тогда как первая часть *Ал-*, несомненно, восходит к др.-иран. **ārya-* ‘арий’, а имя в целом означает «арийского вида», «(имеющий) арийский вид, арийскую внешность». Точное соответствие этому имени находим в имени скифского царя (по Геродоту) **arya-paisa-* ‘имеющий арийский облик’ [АБАЕВ 1949: 156, 175]. Очевидно, обладание арийским обликом для скифских и аланских царей было частью их инвеституры, такой же, как принадлежность к легендарной царской династии, отраженной в Нартовском эпосе.

7.6. Существует мнение, что «[ц]арская династия Осетии, некогда поддерживавшая интенсивные политические и династические связи с династией Багратионов, вовсе исчезла с политической арены» [Тогошвили 1990: 17]. Против этой гипотезы возражал В. И. Абаев [1990: 419], указавший на то, что представители царствующей династии *Æгъуызатæ* и *Цæразонтæ* до сих пор живут в современной Осетии.

Нам остается добавить следующее.

Во-первых, о сохранении какой-то части царской династии в Северной Осетии косвенно свидетельствуют и грузинские источники. Именно с нею породнился один из представителей фамилии Мачабели в конце XIV в. Правда летопись уже не говорит о них как о царях (мепе) Осетии, а только как о правителях (мтавари) Осетии [АГ: 69].

Во-вторых, в Северной Осетии вплоть до середины XIX в. проживали представители фамилии *Æлдаратæ*, эмигрировавшие в 1865 г. в Турцию [Богатые 1969: 293; ср: «МД», 1966, № 11: 27]. В этих *Æлдаратæ* нельзя не видеть потомков тех *Æлдаратæ*, о которых осетинский фольклор рассказывает как о правящей царской династии в Осетии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- АБАЕВ 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- АБАЕВ 1958 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- АБАЕВ 1973 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука.
- АБАЕВ 1979 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука
- АБАЕВ 1990 — *Абаев В. И.* Избранные труды. Т. I. Владикавказ: Ир.
- АГ — *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ: Ир, 2007.
- АЛЕКСЕЕВА 1971 — *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука.
- АЛЕМАНЬ 2003 — *Алемань Агусты.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках / Пер. с англ. М.: Менеджер.
- АНДРОНИКАШВИЛИ 1966 — *Андроникашвили М.* Наркъвевеби иранул-картули енобриви уртиертобидан [Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.)]. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета.
- АХВЛЕДИАНИ 1960 — *Ахвледiani Г. С.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. университета.
- БЕРОЗОВ 1992 — *Берозов Б. П.* Исторические этюды (из истории возникновения осетинских сел и казачьих станиц). Владикавказ: Изд-во СОГУ.
- БЗАРОВ 2020 — *Бзаров Р. С.* История Алании-Осетии. Владикавказ: Ир.
- БОГАЗТЫ 1969 — *Богазты У.* Уæ нæ хæхтæ, нæ бæстæ. Ордж.: Ир.
- БЫЗЫККАТЫ 2016 — *Бызыккаты З.* Цыкарийы уалдзæг. Дзæуджыхъæу: АО «Осетия-Полиграфсервис».
- ВАНЕЕВ 1989 — *Ванеев З. Н.* Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвал: Ирыстон. Т. I.
- ГАГЛОЙТИ 1969 — *Гаглойти Ю. С.* Средневековые летописи о Давиде Сослане // Литературная Осетия. 1969. № 33. С. 120–127.
- ГАГЛОЙТИ 2010 — *Гаглойти Ю. С.* Избранные труды. Т. I. Цхинвал.
- ГУТНОВ 1993 — *Гутнов Ф. Х.* Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир.
- ДЖУСОЙТЫ 1979 — *Джусойты Н. Г.* Цы нысан кæнынц дзырдтæ «Къуайса», «Æрыдон», «Æрджы нарæг» // газета «Советон Ирыстон», № 62 от 30 марта 1979 г.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 1992 — *Дзиццойты Ю. А.* Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания.
- ДЗИЦЦОЙТЫ 2019а — *Дзиццойты Ю. А.* Об исторических границах Южной Осетии // Центральная Евразия. М.: ИВ РАН, 2019. № 1(3). С. 181–236.

- Дзиццойты 2019б — *Дзиццойты Ю. А.* К этимологии этнонимов Alan и Allon // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 2. С. 232–258.
- Дзиццойты 2019в — *Дзиццойты Ю. А.* Географические названия в нартовском эпосе // Историко-филологический архив. № 9. С. 4–27.
- Дзиццойты 2020 — *Дзиццойты Ю. А.* Опыт историко-культурологического анализа преданий о Хетаге // *Nartamongæ*. Vol. XV, № 1, 2. С. 222–265.
- Дзиццойты 2021 — *Дзиццойты Ю. А.* К исторической географии Осетии: средневековая Туалия // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021. Vol. 17.2. P. 73–102.
- Дзиццойты 2022 — *Дзиццойты Ю. А.* В поисках столицы Алании // *Нартамонгæ*. Т. XVII, № 1, 2. С. 243–289.
- Дзиццойты (I) — *Дзиццойты Ю. А.* Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал: Республика, 2017.
- Дзиццойты в печати — *Дзиццойты Ю. А.* Мотив богоборчества в сказании о гибели нарта Батрадза // «Историко-филологический архив» (в печати).
- ИАА (III) — *Ирон адæмон аргъæуттæ* [Осетинские народные сказки (на осет. яз.)]. Т. III. Цхинвал: Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1962.
- ИÆ — *Ирон æмбисæндтæ* [Осетинские пословицы и поговорки (на осет. яз.)]. Орджоникидзе: Ир, 1976.
- Калоты 1982 — *Калоты Г.* Ирон литературæ XIX æнусы: Хрестомати. Орджоникидзе: Ир.
- Кузнецов 1984 — *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир.
- Кузнецов 1988 — *Кузнецов В. А.* Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 76–91.
- Кузнецов 1990 — *Кузнецов В. А.* Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир.
- Кузнецов 1992 — *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. 2-е издание, дополненное. Владикавказ: Ир.
- Кузнецов 2003 — *Кузнецов В. А.* Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ: ИГСИ ВНИЦ РАН и правит. РСО-А.
- Кузнецов 2014 — *Кузнецов В. А.* «Новое» в изучении аланского городища Верхний Джулат // Вестник КБИГИ. Нальчик. Вып. 4 (23). История, этнология. С. 7–12.
- Лавров 2009 — *Лавров Л. И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.
- Малахов 2020 — *Малахов С. Н.* Аланская митрополия в X–XVI вв.: историко-археологические очерки. Владикавказ: Ир.
- «МД» — журнал «Мах дуг» (на осет. яз.). Дзæуджыхъæу.
- Миллер 1887 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. III. М.
- МНМ (II) — *Мифы народов мира*. Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия. Т. II, 1992.
- ОДНИ — *Осетинские (дигорские) народные изречения*. М.: Наука, 1980.

- ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ 1988 — *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М.: Наука.
- ПФАФ 1871 — *Пфаф В. Б.* Материалы для древней истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. 1871. Вып. V. С. 1–100.
- САЛБИЕВ 2022 — *Салбиев Т. К.* Легитимация аланской царской династии в Нартиаде: схема, механизм, содержание // «Нартамонгæ», Т. XVII, № 1, 2. С. 297–310.
- ТИЗЕНГУАЗЕН 1941 — *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М. –Л.: АН СССР.
- ТОГОШВИЛИ 1981 — *Тогошвили Г. Д.* Сослан-Давид (к вопросу о его генеалогии) // Известия ЮО НИИ АН ГССР. Вып. XXVI. 1981. С. 102–113.
- ТОГОШВИЛИ 1983 — *Тогошвили Г. Д.* К вопросу о времени и условиях переселения осетин на территорию Грузии: по поводу статьи В. Н. Гамрекели «Из истории Грузии рубежа XIII–XIV веков (к интерпретации некоторых сведений Жамтаагмцерели)» // Известия ЮО НИИ АН ГССР. Вып. XVIII. Тбилиси: Мецниереба. С. 195–214.
- ТОГОШВИЛИ 1990 — *Тогошвили Г. Д.* Сослан-Давид. Владикавказ: Ир.
- ТЮО (II) — *Цховребова З. Д., Дзицойты Ю. А.* Топонимия Южной Осетии. Т. II. М.: Наука, 2015.
- УСПЕНСКИЙ 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Московского университета.
- «Ф» — журнал «Фидиуæг» (на осет. яз.). Цхинвал.
- ХЕТЕГКАТЫ 2000 — *Хетæгкаты Къ.* Уацмысты æххæст æмбырдгонд фондз томæй. Цыппарæм том. Дзауджыхъæу: Гасситы Викторы номыл республикон рауагъдадон-полиграфон куыстуат.
- ХИФ 1936 — *Хуссар Ирыстоны фолклор* [Юго-осетинский фольклор (на осет. яз.)]. Сост. А. А. Тиболов. Сталинир: Изд. ЮОНИИ.
- ХЪОРОТЫ 1990 — *Хъороты Д.* Уацмыстæ [Произведения (на осет. яз.)]. Дзауджыхъæу: Ир.
- ЦАГАЕВА 1975 — *Цагаева А. Д.* Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир.
- ЭОН — *Энциклопедия осетинской Нартиады.* Под ред. Л. А. Чибирова. Т. 1. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2022.
- ЭСИЯ (V) — *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. V (2015). М.: Вост. лит., 2015.
- FOLTZ 2022 — *R. Foltz.* The Ossetes: Modern-Day Scythians of the Caucasus. I.B. Taurus. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney.
- GNOLI 1989 — *Gnoli Gh.* The Idea of Iran. Rome: Serie Orientale Roma, 1989.
- LATHAM-SPRINKLE 2022 — *Latham-Sprinkle J.* The Alan capital *Magas: A preliminary identification of its location // Bulletin of SOAS, 2022. P. 1–20.
- ROSSI 2000 — *Rossi A. V.* L'iscrizione originaria di Bisotun: DB Elam. A+L // Studi sul vicino oriente antico dedicati alla memoria di Luigi Cagni. Napoli: Istituto universitario orientale. Series Minor, LXI. P. 2065–2107.

Рукопись поступила в редакцию 7.09.2023

Рукопись принята к печати 10.10.2023

Дзиццойты Юрий Альбертович

кандидат филологических наук, профессор,
¹ заведующий кафедрой осетинского языка
и общего языкознания Юго-Осетинского го-
сударственного университета им. А. А. Ти-
билова; 100001, Республика Южная Осе-
тия, город Цхинвал, ул. Путина, д. 8.

² научный сотрудник научно-исследователь-
ского отдела «Центр скифо-аланских иссле-
дований» ВНИЦ РАН. 363110, РСО-Алания,
с. Михайловское, улица Вильямса, 1.

E-mail: dzicc@mail.ru

Dziccoity, Yuri Albertovich

PhD, Professor,

¹Head of the Department of Ossetian Language
and General Language Studies, South Ossetian
State University named after. A. A. Tibilov;
100001, Republic of South Ossetia, Tskhinval,
Putin's street, 8.

² Researcher at the "Center for Scytho-Alanic
Studies" of Vladikavkaz Scientific Center of
the Russian Academy of Sciences. 363110,
North Ossetia-Alania, Mikhailovskoe village,
Williams St., 1.

E-mail: dzicc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

Yuri A. Dziccoity

¹*South Ossetian State University named after. A. A. Tibilov,*

²*Center for Scytho-Alanic Studies of Vladikavkaz*

Scientific Center of RAS

Tskhinval, South Ossetia

ONCE AGAIN ON THE CAPITAL OF ALAINIA

This article is a continuation of the author's work on the location of the capital of Alania, published under the title "In Search of the Capital of Alania". To determine the location of the capital of Alania, scientists usually turn to information from Arab and Chinese sources, as well as archaeological data about medieval Alanian settlements. In the first part of his work, the author of the given article attempted to supplement this information with data from the Ossetian language and folklore. In this publication, the issue of the capital of Alania is resolved with the help of Georgian sources, which have almost completely fallen out of researchers' view. As a result of these searches, the author comes to the conclusion that the most acceptable hypothesis is that the capital of Alania was located on the territory of modern North Ossetia in the area of *Ærdzhynaræg* (Dzylat).

К е у о р д s: capital, Alania, folklore, archeology, narratives.

- Abaev 1949 — Abaev V. I. Osetinskij jazyk i fol'klor. T. I. M.; L.: Izd-vo AN SSSR.
- Abaev 1958 — Abaev V. I. Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. I. M.; L.: Izd-vo AN SSSR.
- Abaev 1973 — Abaev V. I. Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. II. L.: Nauka.
- Abaev 1979 — Abaev V. I. Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. III. L.: Nauka
- Abaev 1990 — Abaev V. I. Izbrannye trudy. T. I. Vladikavkaz: Ir.
- AG — Gaglojti Ju. S. Alano-Georgika. Svedenija gruzinskih istočnikov ob Osetii i osetinah. Vladikavkaz: Ir, 2007.
- Alekseeva 1971 — Alekseeva E. P. Drevnjaja i srednevekovaja istorija Karachaevo-Cherkesii. (Voprosy jetniceskogo i social'no-jekonomičeskogo razvitija). M.: Nauka.
- Aleman' 2003 — Aleman' Agusti. Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istočnikah / Per. s angl. M.: Menedzher.
- Andronikashvili 1966 — Andronikashvili M. Narkvebebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Očerki po iransko-gruzinskim jazykovym vzaimoot-noshenijam (na gruz. jaz.)]. T. I. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo univer-siteta.
- Ahvlediani 1960 — Ahvlediani G. S. Sbornik izbrannyh rabot po osetinskomu jazyku. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo gos. universiteta.
- Berozov 1992 — Berozov B. P. Istoricheskie jetjudy (iz istorii voznik-novenija osetinskih sel i kazach'ih stanic). Vladikavkaz: Izd-vo SOGU.
- Bzarov 2020 — Bzarov R. S. Istorija Alanii-Osetii. Vladikavkaz: Ir.
- Bogazty 1969 — Bogazty U. Uæ næ hæhtæ, næ bæstæ. Ordzh.: Ir.
- Byzykkaty 2016 — Byzykkaty Z. Cykarijy ualdzæg. Dzæudzhyhæu: AO «Osetija-Poligrafservis».
- Vaneev 1989 — Vaneev Z. N. Izbrannye raboty po istorii osetinskogo naroda. Chinval: Iryston. T. I.
- Gaglojti 1969 — Gaglojti Ju. S. Srednevekovye letopisi o Davide Soslane // Literaturnaja Osetija. 1969. № 33. S. 120–127.
- Gaglojti 2010 — Gaglojti Ju. S. Izbrannye trudy. T. I. Chinval.
- Gutnov 1993 — Gutnov F. H. Srednevekovaja Osetija. Vladikavkaz: Ir.
- Dziccoity 1979 — Džhusojty N. G. Cy nysan kænync dzyrdtæ «Kuajsa», «Ærydon», «Ærdzhy naræg» // gazeta «Soveton Iryston», № 62 ot 30 marta 1979 g.
- Dziccoity 1992 — Dziccoity Ju. A. Narty i ih sosedi: Geograficheskie i jetniceskie nazvanija v nartovskom jepose. Vladikavkaz: Alanija.
- Dzitstsojty 2019a — Dziccoity Ju. A. Ob istoričeskikh granicah Južnoj Osetii // Central'naja Evrazija. M.: IV RAN, 2019. № 1(3). S. 181–236.

- Dziccoity 2019b — Dziccoity Ju. A. K jetimologii jetnonimov Alan i Allon // Voprosy onomastiki. 2019. T. 16, № 2. S. 232–258.
- Dziccoity 2019v — Dziccoity Ju. A. Geograficheskie nazvanija v nartovskom jepose // Istoriko-filologičeskij arhiv. № 9. S. 4–27.
- Dziccoity 2020 — Dziccoity Ju. A. Opyt istoriko-kul'turologičeskogo analiza predanij o Hetage // Nartamongæ. Vol. XV, № 1, 2. S. 222–265.
- Dziccoity 2021 — Dziccoity Ju. A. K istoričeskoj geografii Osetii: srednevekovaja Tualija // Acta Linguistica Petropolitana. 2021. Vol. 17.2. P. 73–102.
- Dziccoity 2022 — Dziccoity Ju. A. V poiskah stolicy Alanii // Nartamongæ. T. XVII, № 1, 2. S. 243–289.
- Dziccoity (I) — Dziccoity Ju. A. Voprosy osetinskoj filologii. T. I. Chinval: Respublika, 2017.
- Dziccoity v pečati — Dziccoity Ju. A. Motiv bogoborčestva v skazanii o gibeli narta Batradza // «Istoriko-filologičeskij arhiv» (v pečati).
- IAA (III) — Iron adæmon argæuttæ [Osetinskie narodnye skazki (na oset. jaz.)]. T. III. Chinval: Hussar Irystony paddzahadon rauagdad, 1962.
- IÆ — Iron æmbisændtæ [Osetinskie poslovicy i pogovorki (na oset. jaz.)]. Ordzhonikidze: Ir, 1976.
- Kaloty 1982 — Kaloty G. Iron literaturæ XIX ænusy: Hrestomati. Ordzhonikidze: Ir.
- Kuznecov 1984 — Kuznecov V. A. Očerki istorii alan. Ordzhonikidze: Ir.
- Kuznecov 1988 — Kuznecov V. A. Durgulel' Velikij i Nizhnij Arhyz // Metodika issledovanija i interpretacija arheologičeskikh materialov Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze, 1988. S. 76–91.
- Kuznecov 1990 — Kuznecov V. A. Rekom, Nuzal i Carazonta. Vladikavkaz: Ir.
- Kuznecov 1992 — Kuznecov V. A. Očerki istorii alan. 2-e izdanie, dopolnennoe. Vladikavkaz: Ir.
- Kuznecov 2003 — Kuznecov V. A. Jel'hotovskie vorota v X–XV vekah. Vladikavkaz: IGSi VNC RAN i pravit. RSO-A.
- Kuznecov 2014 — Kuznecov V. A. «Novoe» v izuchenii alanskogo gorodishha Verhnij Dzhulat // Vestnik KBIGI. Nal'chik. Vyp. 4 (23). Istorija, jetnologija. S. 7–12.
- Lavrov 2009 — Lavrov L. I. Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachæevcev, balkarcev. Nal'chik, 2009.
- Malahov 2020 — Malahov S. N. Alanskaja mitropolija v X–XVI vv.: istoriko-arheologičeskie očerki. Vladikavkaz: Ir.
- «MD» — zhurnal «Mah dug» (na oset. jaz.). Dzæudzhyh#æu.
- Miller 1887 — Miller V. F. Osetinskie jetjudy. Ch. III. M.
- MNM (II) — Mify narodov mira. Jenciklopedija. M.: Sovetskaja Jenciklopedija. T. II, 1992.
- ODNI — Osetinskie (digorskie) narodnye izrečenija. M.: Nauka, 1980.
- Pavlov-Sil'vanskij 1988 — Pavlov-Sil'vanskij N. P. Feodalizm v Rossii. M.: Nauka.

Pfaf 1871 — Pfaf V. B. Materialy dlja drevnej istorii osetin // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. 1871. Vyp. V. S. 1–100.

Salbiev 2022 — Salbiev T. K. Legitimacija alanskoj carskoj dinastii v Nartiade: shema, mehanizm, sodержanie // «Nartamongæ», T. XVII, № 1, 2. S. 297–310.

Tizenguazen 1941 — Tizenguazen V. Sbornik materialov, odnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. T. II. M. –L.: AN SSSR.

Togoshvili 1981 — Togoshvili G. D. Soslan-David (k voprosu o ego gene-alogii) // Izvestija JuO NII AN GSSR. Vyp. XXVI. 1981. S. 102–113.

Togoshvili 1983 — Togoshvili G. D. K voprosu o vremeni i uslovijah pereselenija osetin na territoriju Gruzii: po povodu stat'i V. N. Gamrekeli «Iz istorii Gruzii rubezha XIII–XIV vekov (k interpretacii nekotoryh svedenij Zhamtaagmcereli)» // Izvestija JuO NII AN GSSR. Vyp. XVIII. Tbili-si: Mecniereba. S. 195–214.

Togoshvili 1990 — Togoshvili G. D. Soslan-David. Vladikavkaz: Ir.

TJuO (II) — Chovrebova Z. D., Dziccojty Ju. A. Toponimija Juzhnoj Osetii. T. II. M.: Nauka, 2015.

Uspenskij 1982 — Uspenskij B. A. Filologicheskie razyskanija v oblasti slavjanskih drevnostej. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta.

«F» — zhurnal «Fidiuæg» (na oset. jaz.). Chinval.

Hetægkaty 2000 — Hetægkaty K. Uacmysty æhhæst æmbyrdgond fondz tomæj. Cypæræm tom. Dzæudzhyhæu: Gassity Viktorj nomyl respublikon rauagdadon-poligrafion kuystuat.

HIF 1936 — Hussar Irystony folklor [Jugo-osetinskij fol'klor (na oset. jaz.)]. Sost. A. A. Tibilov. Stalinir: Izd. JuONII.

Horoty 1990 — Horoty D. Uacmystæ [Proizvedenija (na oset. jaz.)]. Dzæudzhyhæu: Ir.

Cagaeva 1975 — Cagaeva A. D. Toponimija Severnoj Osetii. Ch. II. Ordzhonikidze: Ir.

JeON — Jenciklopedija osetinskoj Nartiady. Pod red. L. A. Chibirova. T. 1. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2022.

JeSIJa (V) — Jedel'man D. I. Jetimologičeskij slovar' iranskih jazykov. T. V (2015). M.: Vost. lit., 2015.

Received on 7.09.2023

Accepted on 10.10.2023